

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Рассме^{ШИТЬ}
Бога

ЭКСМО

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Рассмешить Бога

«ЭКСМО»

2007

Александрова Н. Н.

Рассмешить Бога / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2007 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-699-56851-2

Надежда чувствовала себя безумно плохо, поэтому сперва к телефону подходить не собиралась. Но тот все звонил не переставая. Она все-таки подняла трубку, и незнакомый старческий голос, перепутав ее с некой Тасей, сообщил, что скорее всего дочка Муси Серебровской и три ее подруги находятся в смертельной опасности. Объяснить старушке ее ошибку Надежда не успела, та положила трубку. Каково же было изумление Надежды, когда вечером в новостях передали: убита известная телеведущая Елена Серебровская. Пробив по базе адресов номер старушки, оставшийся на определителе, Надежда поспешила к ней, но застала у ее подъезда лишь толпу зевак и машины «Скорой помощи» и полиции. Как сообщили соседи, старушку убили, причем тем же самым способом, что и Лену Серебровскую. Книга также выходила под названием «Цветок фикуса».

ISBN 978-5-699-56851-2

© Александрова Н. Н., 2007

© Эксмо, 2007

Наталья Александрова

Рассмешить Бога

Татьяна заглушила мотор, поставила машину на ручник, выбралась на улицу. Ее сразу насквозь прохватил сырой резкий ветер, швырнул в лицо мокрую колючую гадость – то ли дождь со снегом, то ли снег с дождем. Она подняла воротник, включила сигнализацию и, сгорбившись, побрела против ветра к дому.

Фонарь возле подъезда, как всегда, не горел. В глубокой темноте Татьяна нашарила в кармане ключи, прижала металлическую «таблетку» к плате домофона. Дверь послушно открылась, за ней зияла полная, непроглядная тьма. Электричество, что ли, отключили? Но тогда бы и домофон не работал...

Делать нечего. Татьяна собралась с духом и нырнула в черноту подъезда, как в ледяную воду.

Дверь за спиной плавно закрылась, и она оказалась во мраке.

Это было именно то, про что говорят – хоть глаз выколи. Ни огонька, ни искры не проступало в окружающей Татьяну тьме. На какое-то время она утратила все представления о мире – где она находится, куда нужно идти, не могла даже сообразить, где верх, где низ.

Говорят, такое бывает с аквалангистами на большой глубине, когда они впадают в панику, теряют ориентацию, утрачивают представление о направлении и, вместо того чтобы всплывать к поверхности, уходят в морскую глубину...

Ее охватила такая же паника. Ладони стали влажными, сердце глухо, тяжело забилося, во рту пересохло.

Нужно взять себя в руки, преодолеть страх.

Подумаешь, большая проблема – добраться в темноте до лифта...

Татьяна досчитала до десяти, ровно, медленно дыша, зажмурилась и снова открыла глаза.

Ничего не изменилось, из темноты ничего не проступило, но она немного успокоилась и сообразила, куда нужно идти. Самым трудным был первый шаг – робкий, неуверенный... но она сделала его, затем сделала второй шаг, третий... едва не споткнулась о первую ступеньку лестницы, но вовремя остановилась, ощупала ступеньку ногой и начала медленный подъем... Она вспомнила, что здесь всего три ступеньки и поворот, за которым находится лифт.

И вдруг каким-то шестым чувством она поняла, что в темноте, кроме нее, есть еще кто-то.

«Это ерунда, игра воображения, – попыталась Татьяна уверить себя. – Какой идиот может стоять в полной темноте? Это бред! Я снова впадаю в панику».

Взяв себя в руки, она поднялась на вторую ступеньку, на третью...

В темноте кто-то был.

Все ее чувства мучительно обострились. Она слышала стук чужого сердца, ощущала едва уловимое дыхание на своей щеке...

Бред. Главное, не поддаваться панике.

Татьяна сделала еще один шаг, повернула налево...

Из темноты проступила яркая красная точка.

Светящаяся кнопка вызова лифта.

Татьяна облегченно перевела дыхание. Теперь она знала, куда нужно идти. Это светящееся пятно манило ее, как одинокое окно среди темного леса манит припозднившегося путника.

Самое страшное осталось позади. Еще несколько шагов, и она окажется в ярко освещенной кабине лифта, а потом – в собственной квартире...

Она включит яркую люстру, и потолочные светильники, и торшер, и бра, зальет квартиру ослепительным светом и будет смеяться над своими недавними страхами...

Она сделала еще два шага, протянула руку к кнопке... и вдруг при этом слабым, едва различимым свете увидела затаившуюся возле лифта человеческую фигуру.

– Кто... кто здесь? – испуганно, едва слышно проговорила она, попятившись.

Человек в темноте ничего не ответил. Он достал зажигалку, щелкнул колесиком, выбросил перед собой язычок пламени.

Татьяна узнала проступившее из мрака лицо. Правда, оно было искажено, перекошено неровным слабым освещением, и на нем проступило какое-то странное выражение, но все равно это было хорошо знакомое ей лицо...

– Это вы, – проговорила она с облегченным вздохом. – Честно говоря, вы меня напугали. Что здесь со светом? Отключили электричество? Но домофон работает...

Он снова ничего не ответил, только провел перед ее лицом язычком пламени, словно не узнавая, словно сверяя ее с фотографией. Затем огонек погас, стало еще темнее, чем прежде. В сгустившейся темноте раздался странный шорох, и вдруг сильные руки обхватили Татьяну, и на ее голову надели что-то скользкое, шуршащее... она с ужасом поняла, что это – полиэтиленовый мешок.

Татьяна пыталась бороться, пыталась кричать... но сильные руки держали ее, а воздуха в груди было так мало, что не удавалось не только крикнуть, но хотя бы произнести жалкую, бессильную просьбу, хотя бы спросить, за что...

– За что... – прошептала она пересохшими губами. – За что?

Тьма молчала.

Сердце глухо стучало в груди, в горле, в висках.

Воздух кончался. В непроглядном мраке выступили багровые круги и квадраты. Они кружились, скрежетали, сталкивались...

Татьяна еще раз дернулась, пытаясь освободиться, ноги ее подогнулись, и она упала на холодный цементный пол.

Телефон звонил и звонил, и наконец Надежда решила, что нужно снять трубку. Так долго трезвонить могли только три человека: ее муж, ее мать и самая близкая подруга Алка Тимофеева. Все трое прекрасно знают, что она, Надежда, никуда не может уйти из дома, и что если и прикорнула она на диване, то от телефонного звонка непременно проснется. Если же она не подойдет к телефону, то все трое всполошатся, навоображают себе, что Надежда лежит без сознания или же ее хватил внезапный паралич, и она не может двинуть ни рукой, ни ногой, ни языком пошевелить.

В этом случае мать способна вызвать «Скорую помощь» в сопровождении МЧС и четырех расчетов пожарной команды, а муж с Алкой все бросят и примчатся немедленно Надежду спасать.

Надежда пошарила ногой в безуспешных поисках шлепанцев и потащилась к телефону босиком. И, как всегда после долгого молчания, голос отказал.

– Аллю... – прохрипела Надежда.

– Тася, это ты? – прокричал в трубку старушечий голос.

Ну вот пожалуйста, зря только тащилась через всю квартиру!

– Не туда попали! – буркнула Надежда и повесила трубку.

Однако не успела она отойти от телефона, как тот затрезвонил снова.

– Тася, нас разъединили! – орала старуха. – Я должна тебе сказать, это очень важно! Я долго думала и наконец все поняла!

– С чем вас и поздравляю, – пробормотала Надежда.

Старуха не услышала, и Надежда поняла, что бабушка, мягко говоря, глуховата.

– Все очень серьезно, им грозит опасность! – надрывалась старуха. – Ведь они все могут погибнуть – и Маша Чонишвили, и Настя Рубинина, и Эля Маленко... И дочка Муси Серебровской... Он приходил ко мне, думал, если я глухая, так уже ничего не сообщаю!

«Ага, значит, все-таки глухая, – подумала Надежда, – я так и знала».

– Женщина! – заорала она. – Вы зря все это рассказываете! Это не Тася! Вы не туда попали!

Однако вместо крика из горла вырвались, как обычно, сипы и хрипы, не пробившие старухину глухоту.

– Тася, обязательно приходи ко мне вечером! – гнула свое старуха. – Или в крайнем случае завтра, я буду ждать! Ты же знаешь, я никуда не выхожу!

– Господи, да что же это такое! – Надежда потеряла терпение, хотела снова крикнуть, чтобы старуха не обольщалась, никто к ней не придет, потому что звонит она вовсе не Тасе, а ей, Надежде. Наверняка перепутала номер, в маразме небось давно.

И снова крика не вышло, вместо этого она всерьез закашлялась, а когда перевела дух, то в трубке раздались короткие гудки. Надежда пожала плечами и положила трубку на рычаг. После приступа кашля ее бросило в пот, а в ушах как будто застучал паровой молот. Она посидела немного, чтобы успокоиться, потом побрела на кухню, чтобы выпить воды. Бросив по дороге взгляд в зеркало, она увидела жуткую личность с лицом отвратительного серо-зеленого цвета, одетую в помятый спортивный костюм. Волосы свисали по краям лица безжизненными космами, глаза смотрели на мир тускло, в них отражалось полнейшее равнодушие к собственной судьбе. Только увидев в зеркале, что личность босиком, Надежда ощутила, как противно холодят ноги плитки пола. Пришлось вернуться в комнату за тапочками. На их поиски ушло у Надежды минут двадцать, потому что после каждого наклона темнело в глазах и стреляло в пояснице.

Первый шлепанец нашелся легко, второй оказался далеко под кроватью.

– Ты небось постарался? – спросила Надежда огромного рыжего котяру, который валялся на кровати в самой вольготной позе.

Кот поглядел презрительно и отвернулся, не удостоив Надежду ответом. В который раз Надежда пожала плечами и целеустремленно доползла до кухни. Для того чтобы налить воды в чайник, понадобилось дополнительное усилие. Зато Надежда дала себе послабление и разрешила не заваривать чай, а положить в стакан одноразовый пакетик. Она долго сидела, прихлебывая остывающий чай, и думала, как же она дошла до жизни такой.

Все началось полтора месяца назад. Февраль был тяжелый и переменчивый, с метелями, морозами и оттепелями. Липкий и мокрый снег сменялся мелким нудным дождем, а наутро резко подмораживало и дул пронизывающий ледяной ветер.

В городе свирепствовала очередная эпидемия гриппа. Люди в одночасье валились с ног с высокой температурой. Врачи пугали опасными осложнениями, было даже несколько случаев летального исхода.

Вот уже почти год Надежда официально считалась домохозяйкой. Слово это она ненавидела, а к статусу потихоньку привыкла. Домашнее хозяйство, конечно, вела, но в четырех стенах старалась не засиживаться. Муж ее, Сан Саныч, много и плодотворно работал и сумел создать вполне приемлемые условия жизни для своей любимой жены Надежды и своего нежно обожаемого рыжеполосатого кота Бейсика. Кот принимал его заботы благосклонно, и все ему было мало. Время от времени Надежда пыталась приструнить наглого котяру, но ее слово в этом вопросе никогда не было решающим.

В феврале, когда одна половина населения болела гриппом и прочими простудными заболеваниями, а вторая тряслась, как бы не заболеть, Надежда сполна оценила свое положение домохозяйки. Ей не нужно было толкаться два раза в день в переполненном вагоне метро, никто не дышал ей в ухо и не чихал в лицо, она не парилась в душевой маршрутке, не вываливалась расхристанная, подставляя непокрытую голову мокрому снегу, и сырой ветер не продувал ее сквозь расстегнутую одежду до самых печенок.

Однако человек, как известно, предполагает, а Бог располагает. Где-то там, наверху, звезды над головой Надежды Николаевны сложились в неблагоприятную комбинацию, и как-то утром она почувствовала себя плоховато.

«Наверно, вчера продуло, когда возвращалась от мамы вечером», – подумала Надежда и проводила мужа на работу.

Днем она немного покашляла и даже померила температуру, так, на всякий случай. Градусник показывал тридцать шесть и шесть десятых, в чем Надежда нисколько не сомневалась.

Вечером выяснилось, что муж завтра срочно улетает в командировку. Услышав Надеждин кашель, муж пощупал ее лоб и испытующе заглянул в глаза.

«Пустьки! – отмахнулась Надежда. – Кашлянула два раза, и нос заложило. Дело житейское!»

Все пять дней отсутствия мужа Надежда боролась с кашлем. Она литрами пила настой из корня алтея, испробовала три вида таблеток, сыпала в носки горчицу и мазала грудную клетку барсучьим жиром. Она извела кучу настоев для ингаляций и едва не обварила кожу на лице, когда пыталась дышать паром от вареной картошки.

Ничего не помогало. Днем еще можно было как-то существовать, Надежда Николаевна отвлекалась делами и разговорами по телефону, однако стоило ей ночью принять горизонтальное положение, как кашель начинал свою пытку.

Иногда удавалось заснуть примерно на час, потом Надежда просыпалась и пыталась сдерживаться. Терпения хватало минут на сорок, после чего она садилась в постели и начинала кашлять со вкусом и от души, радуясь, что мужа нет рядом.

На третий день в дверь позвонила соседка сверху и деликатно поинтересовалась, что же это с Надеждой происходит. Слышимость, конечно, в их доме не слишком, все же полы не картонные, однако от тех душераздирающих звуков, что издает по ночам Надежда, и мертвый проснется.

Надежда объяснила все как есть, пыталась извиняться, соседка глядела с недоверием, в квартиру войти наотрез отказалась и шарахнулась от Надежды Николаевны, когда та без злого умысла подошла к ней слишком близко.

К приезду мужа у Надежды, кроме кашля, началось расстройство желудка от корня алтея, аллергическая сыпь от барсучьего жира и сильное сердцебиение, потому что в одно из лекарств от кашля, как выяснилось, входил кодеин. Температура, однако, упорно держалась на тридцати шести и шести десятых.

Муж, глянув на Надежду, изменился в лице, однако он был страшно измотан и не спал почти целые сутки, поэтому тяжелого разговора не последовало.

Муж у Надежды был второй и любимый, жили они душа в душу почти девять лет, ссорились редко, потому что у Сан Саныча был замечательный характер – спокойный и ровный. Человек он был аккуратный, воспитанный, в быту нетребовательный, имел не только умную голову, но и умелые руки, что, согласитесь, встречается в мужчине не так часто.

В одном Сан Саныч был непреклонен. Его первая жена умерла от тяжелой продолжительной болезни, и теперь он страшно боялся потерять и вторую. Поэтому он очень следил за Надеждиным здоровьем и благополучием. И если бы не командировка, то давно уже брошена была бы Надежда в руки докторов.

Есть люди, которые обожают лечиться. Они заботливо лелеют каждую свою даже небольшую болячку, относятся к ней с повышенным вниманием и постепенно заражают своим отношением лечащих врачей. Они много времени просиживают в очередях перед врачебными кабинетами, ничуть от этого не страдая, общаются, приобретают множество знакомых и единомышленников, обмениваются с ними полезными сведениями и уникальными рецептами. Выражаясь современным языком, участковая поликлиника для них – это клуб по интересам. Они знают все ходы и выходы, знают всех врачей по именам, а также знают, от кого ушел муж,

у кого проблемы с сыном, невесткой или со свекровью. Они умеют вовремя записаться на бесплатную консультацию и получить направление на горящую путевку.

Причем вовсе не обязательно такие люди уже на пенсии. Напротив, самые успешные индивидуумы ведут такую жизнь с молодости. Знала Надежда Николаевна таких женщин: то она на больничном, то в санатории, то отпрашивается с работы на какую-то особенную медицинскую комиссию или на процедуры, годам к пятидесяти оформляет инвалидность, и муж, выдрессированный за долгие годы, сдувает с нее пылинки, и дети ходят по струнке.

Причем, что характерно, живут такие вечно больные особы очень долго и переживают всех своих близких.

Надежда же никогда не любила ходить по врачам. Она считала, что для такого времяпрепровождения нужно железное здоровье. Один вид грозной женщины в белом халате, выглядывающей из окошка регистратуры, с юности вызывал у нее дрожь в коленках. Она была твердо уверена, что таких суровых теток специально выращивают где-то в питомниках и обучают, как сделать так, чтобы в поликлинику не пролез ни один больной. Надежде, во всяком случае, удавалось такое крайне редко – или вместе с толпой сотрудников на профосмотр, или если заранее записаться к специалисту.

В данном случае Надежда Николаевна понимала, конечно, что с ней творится что-то не то, и кашель какой-то слишком уж сильный, однако представляла себе в окошке удивленно-презрительное лицо суровой тетки, на котором было написано крупными буквами:

«Ну и народ! Температуры у нее нету, больничный не нужен – так она все равно к врачу прется, у занятых людей драгоценное время отнимает!»

После командировки муж спокойно проспал всю ночь, поскольку Надежда заранее удалилась на кухню и кашляла там в подушку. Следующим вечером кот Бейсик, который вообще-то говорить не умел, нашел-таки способ наябедничать Сан Санычу на возмутительное поведение Надежды.

По его мнению, ночами хозяйка вела себя отвратительно. Она ворочалась в кровати, пила воду, кашляла так, что несчастный кот вздрагивал во сне и в конце концов вынужден был уйти спать на кресло. Нервы его совершенно истрепались, аппетит пропал, пушистость заметно понизилась.

Надо отдать должное Сан Санычу. Выслушав обидчивое мурлыканье, он больше беспокоился здоровьем своей жены, чем внешним видом любимого кота.

После очередной бессонной ночи муж рано утром растолкал прикорнувшую Надежду и потащил ее к платному врачу, не слушая никаких возражений и пугая пневмонией. Надежда безуспешно пыталась предъявить ему градусник, который теперь показывал тридцать шесть и девять десятых (очевидно, температура повысилась от радости, что муж вернулся).

Врач послушала кашель и нахмурила брови. Тут же проволокли Надежду Николаевну по всем анализам и рентгенам, а когда снова втащили в кабинет врача, то оказалось, что у нее инфекционный затянувшийся бронхит, запущенный гайморит, острый синусит и вазомоторный ринит, увеличены лимфатические узлы и вдобавок ко всему этому букету воспален тройничный нерв.

Муж схватился за сердце и за кошелек, Надежда же только растерянно хлопала глазами. Ей тут же всадили три больных укола и пихнули под капельницу. Покоя и там не было, потому что врач стояла над ней и грозила всевозможными осложнениями, а потом велела радоваться, поскольку нет пневмонии. Затем врач выписала лошадиную дозу антибиотиков и выдала Надежду мужу, велев через три дня явиться к отоларингологу на предмет гайморита.

За три дня Надежде малость полегчало, кашель не так мучил, и к отоларингологу она отправилась самостоятельно.

Доктор, симпатичный старичок с седыми кудряшками вокруг розовой лысины, увидев Надеждины анализы, пришел в неистовство и закричал что-то о немедленной операции, а то он

ни за что не отвечает. Надежда твердо ответила: нет. Доктор вцепился в нее, запустил какую-то блестящую штуку в нос, долго крутил и щупал и наконец глубоко задумался, насупив седые брови.

И вот, когда Надежда уже прикидывала, чем бы стукнуть его по розовой лысине, чтобы сбежать из кабинета, доктор очнулся и сказал, что в самом крайнем случае можно попробовать обойтись без операции. Надежда Николаевна бурно обрадовалась, а доктор выписал еще антибиотиков, на этот раз доза была слоновьей.

Очевидно, антибиотики, кроме вредоносных бактерий, убили в организме Надежды и все полезные, а также уничтожили некоторые важные черты ее характера, как то: жизнелюбие, чувство юмора, целеустремленность, философское отношение к жизни, а также качество, которым Надежда особенно гордилась, – умение посмотреть на себя со стороны. Еще к положительным качествам Надежда причисляла неистребимое любопытство и интерес ко всяким криминальным загадкам, однако муж отчего-то качества эти считал вредными и старался их в Надежде истребить.

Но в данном случае он сильно обеспокоился, потому что по дому вместо его ласковой, домовитой и всем довольной жены бродило теперь непонятного вида существо с пустыми глазами и землистыми впалыми щеками.

Надежда Николаевна не спорила, не возражала и не сопротивлялась. На все увещевания мужа она молча кивала головой, послушно пила положенные витамины и ела с видимым усилием фрукты и всяческие деликатесы, что приносил расстроенный Сан Саныч. Все время, пока муж работал, она проводила, бездумно щелкая пультом телевизора, либо же уныло пялилась в окно, где лил попеременно то дождь, то снег, отчего пейзаж, и так-то не слишком привлекательный, становился и вовсе паскудным.

Такое поведение было для Надежды совершенно нехарактерным, и Сан Саныч впал бы в настоящую панику, если бы не был таким энергичным и деятельным человеком. Он расстарался, поднял на ноги всех родных и знакомых, выслушал кучу полезных и не слишком полезных советов и наконец нашел нужного человека, который обещал достать ему удивительное швейцарское лекарство. Оно может поднять человека на ноги за неделю.

Надежда про это знала, но забыла, она вообще в последнее время стала чрезвычайно рассеянна и невнимательна. Побродив по квартире, она бросила взгляд на часы и решила, что нужно попробовать поесть. Есть совершенно не хотелось, но еще больше не хотелось слушать увещевания и уговоры мужа.

Надежда отложила на маленькую сковородочку две котлеты и порцию картофельного пюре, погрела не слишком сильно и выложила на тарелку. Понюхав котлеты, она убедилась, что о том, чтобы она их съела, не может быть и речи.

Кот подкрался, ступая мягко, но с достоинством. Достоинство весило без малого восемь килограммов, так что Надежда Николаевна услышала кота заранее, но сделала вид, что ничего не замечает.

Бейсик тяжело вспрыгнул на стул.

– Котлету будешь? – спросила Надежда.

«Ну не знаю, я с чесноком не очень люблю...» – ответил кот выразительным взглядом.

– Заелся, – буркнула Надежда.

Кот устыдился и съел из ее рук полкотлеты. Надежда сделала вид, что с интересом рассматривает потолок, тогда котяра изловчился и схватил с тарелки вторую половину. Кот был сытый и наглый, откормленный Сан Санычем до неприличных размеров.

Картофельное пюре по вкусу напоминало вату из старого матраса. Надежда с тоской поглядела на тарелку и спустила всю оставшуюся еду в унитаз. Кот отправился в комнату умываться. В последнее время он Надежду не слишком жаловал.

Надежда не стала мыть тарелку, чтобы предоставить мужу доказательство.

Прошло минут сорок, за окнами совсем стемнело. Явился муж – веселый и довольный, глаза его радостно блестели.

– Надя, я достал лекарство! – заговорил он с порога. – По части восстановления организма после антибиотиков оно творит настоящие чудеса! Нужно только пить его регулярно, три раза в день по столовой ложке!

По внешнему виду содержимое большой бутылки напоминало концентрированное удобрение для комнатных цветов – там еще на флаконе крупными буквами написано «Беречь от детей и домашних животных».

– Надежда, не капризничай! – тут же рассердился муж, заметив ее гримасу. – Дело даже не в том, сколько оно стоит! Просто это действительно очень хорошее швейцарское лекарство! Пей! – Он сбегал на кухню за ложкой.

Надежда с тоской глядела на бурую жидкость в ложке и уже зажмурила глаза, подчиняясь, но тут у мужа очень своевременно зазвонил мобильный, и он побежал его искать в прихожую. Надежда перевела дух и открыла глаза. Противное лекарство никуда не делось и не стало менее противным. Надежда поднесла ложку ко рту, помотала головой, после чего, решительно и осторожно ступая, приблизилась к окну и вылила ложку в горшок с фикусом.

Фикус был нехорош. За долгую и темную зиму он потерял половину листьев и теперь уныло торчал из сухой земли, ни на что не надеясь и не ожидая от жизни ничего хорошего. Возможно, он заразился меланхолией от Надежды Николаевны, все живое в квартире, от котика до последнего цветочка, страдало от ее вопиющего равнодушия. Кот-то, понятное дело, черпал утешение в объятиях Сан Саныча, а на фикус у последнего сил уже не осталось.

Надежда решила, что с фикусом покончено навсегда, и, глядя на мужа честными глазами, гордо предъявила ему пустую ложку. Ее похвалили и назвали умницей. Кот со шкафа все видел, но решил на этот раз промолчать.

Лена вошла в свою комнату, швырнула куртку на стол, тряхнула волосами и крикнула за перегородку:

– Александра, сделай мне бо-ольшую чашку кофе! С двойным сахаром!

Шурочка, тихая как мышка девушка, выполнявшая в редакции функции секретарши, официантки, стенографистки, сестры-хозяйки, а по совместительству – мальчика для битья и внештатного психоаналитика (то есть жилетки, в которую плакались после скандалов с начальством все сотрудники, независимо от пола и возраста), высунула нос из-за перегородки и испуганно пискнула:

– Лена, тебя Михалыч срочно требует к себе!

– Что у него – мобильного моего нет? – машинально огрызнулась Лена.

Огрызнулась зря, потому что главный редактор программы Игорь Михайлович, для всех сотрудников – Михалыч, жил так, как будто на дворе все еще стоит каменный век и не существует ни мобильной связи, ни компьютеров, ни Интернета. Все записи он вел от руки в одинаковых записных книжках – с разлинованными страницами, в черных переплетах из кожзаменителя, а для связи с сотрудниками, начальством и прочими нужными людьми он пользовался четырьмя допотопными настольными телефонами светло-бежевого цвета. Соединяла его с ними боевая секретарша предпенсионного возраста Галина Филаретовна. Это было дико для современного человека и вдвойне дико для руководителя телевизионной программы.

– Кипит и булькает! – добавила Шурочка страшным шепотом и подала Лене огромную чашку кофе. Крепкого, как дружеское рукопожатие, и сладкого, как утренний сон.

Лена благодарно кивнула, в два глотка осушила чашку и почувствовала себя способной к боям и свершениям.

Бросив мимолетный взгляд в зеркало, поправила волосы и помчалась на расправу.

Галина Филаретовна, увидев ее, неприязненно поджала губы. Плохой знак.

– Серебровская, – сообщила она в переговорное устройство и тут же глазами показала Лене на дверь кабинета.

Михалыч сидел за своим огромным столом, сжав кулаки и опустив голову к бумагам. Блестящая выпуклая лысина отражала свет ярких потолочных ламп. Лена остановилась в дверях и кашлянула, деликатно извещая начальника о своем присутствии.

– Кашляешь? – Михалыч поднял на нее взгляд. – Простудилась, что ли? Ты бы, Серебровская, больничный взяла!

Заботливая нота в голосе шефа не обманула Лену. Она знала его не первый год и прекрасно изучила. Такими мягкими оборотами он подготавливал почву для последующего наезда.

– Лучше бы ты правда больничный взяла! – пророкотал Михалыч, постепенно набирая обороты. – А то от твоего присутствия на работе ничего нет, кроме вреда!

– В чем дело, Игорь Михайлович? – осведомилась Лена, приблизившись к столу. – Чем конкретно вы недовольны?

– Я недоволен тем, что по твоей милости мы все можем остаться безработными! – загремел шеф хорошо поставленным басом. – Ты, может, на панель пойдешь, а мне чем прикажешь заниматься? Бутылки пустые по помойкам собирать?

– Выбирайте выражения! – попыталась Лена приструнить этого хама. – Вы не на вещевом рынке!

– Выбирать выражения? – ухватился он за ее слова. – А ты – ты выбирала выражения, когда брала интервью у Поздняковой?

«Вот откуда ветер дует! – сообразила Лена. – Вот из-за чего Михалыч так разбушевался!»

– Я репортер! – выпалила она. – Острый материал – это мой хлеб! У передачи будет отличный рейтинг...

– Рейтинг? – как эхо повторил Михалыч. – О каком рейтинге ты говоришь? Да нас вообще закроют! От программы не оставят камня на камне! Ты же знаешь, чья она жена!

Лена прекрасно знала, чья она жена.

Ольга Позднякова, железная женщина отечественного бизнеса, одна из богатейших женщин нашего города, была не только владелицей процветающей строительной компании, но еще и женой влиятельного чиновника федерального уровня. Фамилии у супругов были разные – из деловых соображений, даже жили они в разных городах: Позднякова – в Петербурге, ее могущественный муж – в Москве. Но в случае необходимости можно было ни секунды не сомневаться в высокой поддержке.

Так что Лена знала, на что идет, задавая Поздняковой острые вопросы о способе получения «пятна» под застройку в парковой зоне.

Но она и не сомневалась, что руководство программы и канала поддержит ее...

Выходит, зря она так думала.

Михалыч замолчал, тяжело дыша, и снова опустил голову, наставив на Лену блестящую лысину. Потом достал из ящика стола пластиковый тюбик, вытряхнул на ладонь таблетку, положил под язык, поморщился и продолжил значительно тише:

– Мне звонил пресс-секретарь Поздняковой. Она собирается подавать на нас в суд. Ты понимаешь, что это значит?

Лена прекрасно понимала. Пока ее хлесткие репортажи обеспечивали программе высокий рейтинг – Михалыч помалкивал, приписывая лично себе все заслуги. И давал Лене карт-бланш. То есть полную свободу действий. Позволял искать острые темы, молча поощрял ее. И интервью с Ольгой Поздняковой он также молчаливо одобрил. Но как только на горизонте замаячили серьезные неприятности – ему, разумеется, понадобился козел отпущения. Понадобилась жертва. И этой жертвой он намерен сделать ее...

– Пиши заявление об увольнении по собственному желанию! – произнес он наконец, так и не подняв головы.

– Но вы прекрасно знаете, что содержание передачи соответствует действительности! Никакой суд...

– Пиши заявление! – рявкнул Михалыч. – И чтобы я тебя больше не видел!

Лена вылетела из кабинета красная, как вареный рак.

Михалыч часто орал на подчиненных, но то, что произошло сегодня, не объяснялось его обычным хамством. Это было самое настоящее предательство. Он отлично понимал, как тщательно и умело она подготовила разговор с Поздняковой, как старалась вывести ее на острую тему. И любой настоящий журналист на ее месте поступил бы точно так же...

– Лена, налить вам воды? – сочувственно проговорила Галина Филаретовна.

Это – совсем плохой признак.

Галина проявляла сочувствие только к тем сотрудникам, на которых уже поставлен крест.

Ничего не ответив, Лена выбежала в коридор, закрыв лицо руками, пересекла его и влетела в дамскую комнату. Сердце бешено колотилось, в ушах шумело.

Лена пустила сильную струю холодной воды, плеснула себе на лицо, еще раз... хорошо бы подставить голову под ледяную струю, но что потом делать с волосами?

От холодной воды в голове немного прояснилось, красный туман перед глазами рассеялся. Лена перевела дыхание, взглянула на свое отражение в зеркале. Да, ничего себе! Лицо все в красных пятнах, косметика размазана... а ведь эта тушь считается водостойкой!

Она не успела закончить неутешительный осмотр, когда за спиной появился мужской силуэт.

– Эй, коллега, – процедила она, вымещая на этом человеке свое раздражение. – Вы ошиблись дверью! Глаза протрите! Или у вас с головой не все в порядке?

Но мужчина ничего не ответил. Он на мгновение отвернулся, торопливо защелкнул входную дверь, в два шага приблизился к Лене и обхватил ее вокруг туловища.

– Что за... вы что, свихнулись... – начала она, пытаясь вырваться, но тут на ее голову натянули плотный полиэтиленовый пакет. Лена в ужасе забилась, задержалась, как пойманная рыба на прибрежном песке. Она и прежде тяжело дышала от перенесенного стресса, а сейчас воздуха вовсе не стало.

Сильные мужские руки не выпускали ее.

Сквозь полупрозрачную пленку Лена видела в зеркале собственное, искаженное страданием лицо и рядом – лицо убийцы, спокойное, внимательное, словно наблюдающее за ее муками.

И еще – кажется, смутно знакомое...

Сердце гулко колотилось где-то не на положенном ему месте, перед глазами поплыл тусклый красный туман.

Сил на сопротивление не осталось. Она пробовала крикнуть, позвать на помощь, но для этого тоже нужен был воздух, а воздуха совершенно не было. Последний глоток его ушел на бесполезную попытку сопротивления. Лена широко раскрыла рот, пытаясь вдохнуть, но безжалостная пленка плотно облепила посиневшие губы. Она глухо захрипела и рухнула на холодный кафельный пол.

С утра Надежда занималась обычным делом – прыгала по телевизионным каналам. Попала на новости и выслушала сообщение о зверском убийстве известной тележурналистки Елены Серебровской. Надежда наморщила лоб, вспоминая, где она слышала эту фамилию. То есть слышала, конечно, и не раз, по телевизору, и видела репортажи, кстати, весьма хлесткие, на злобу дня...

Показали кусочки передач... Ну да, вот она сама – симпатичная молодая женщина, без всякого глянца – ни прически шикарной, ни туалетов немислимых. Лицо серьезное, умное, голос приятный, а в остальном ничего лишнего – нет ни слишком белозубой улыбки, ни нарочитого загара зимой.

Задушили, можно сказать, прямо на рабочем месте, в туалете телестудии, надев на голову полиэтиленовый пакет. Страшное дело!

Надежда Николаевна зябко поежилась и переключила на другую программу. Там было все то же самое. И на другом канале тоже. Все сходились на том, что убийство заказное – Серебровская многим успела перейти дорогу.

Надежда зевнула и выключила телевизор.

«Однако странно, – думала она, потихоньку ковыляя на кухню, – теперь у нас каждый ребенок знает, как происходят заказные убийства. Вот Анну Политковскую убили в собственном подъезде выстрелом в упор. Убийца действовал в перчатках, бросил оружие рядом и убежал. Все по схеме, так они и делают. Никто его не видел, и никогда его не найдут. А тут среди бела дня, при всем честном народе... а если бы кто-то случайно вошел в туалет, когда он ее душил? Уж не знаю, как там у них на телевидении, а у нас на работе бабы вечно торчали в туалете – то причесаться, то поправить макияж, то чашку помыть, то петля на колготках спустилась, то еще что-нибудь... С другой стороны, я же не знаю, как жила эта Елена Серебровская, может быть, у нее подъезд и стоянка охраняемые. Тогда, конечно, удобнее ее было на студии убить, там народу полно... Опять же, и пакет тогда можно объяснить – все же какая-никакая охрана на входе присутствует, с оружием не пропустит, а с обычным пакетом – всегда пожалуйста, мало ли, может, человек после работы на рынок наладился или еще куда...»

И на миг Надежду вдруг охватило знакомое чувство – легкое жжение в корнях волос. Именно так проявляло себя знаменитое Надеждино любопытство.

Надежда Николаевна всегда была женщиной деятельной и энергичной. Много лет она проработала инженером в научно-исследовательском институте, работой своей была довольна, поскольку окружали ее за редким исключением люди интеллигентные, с широким кругозором, а работа позволяла занять голову каким-нибудь важным техническим вопросом. Не то чтобы была она гениальным конструктором, но для женщины средних лет соображала очень даже неплохо, это признавали все ее коллеги.

Все кончилось после перестройки. То есть кончилось не сразу, а как в старом анекдоте, где хозяин жалел собаку и отрезал ей хвост по частям (Надежде всегда безумно жалко было собаку). В ее институте начальство поступало примерно так же. Сначала выгнали молодых мамаш с маленькими детьми и пенсионеров. Старички покорились неизбежной судьбе, мамаша только обрадовалась. Потом начальство избавилось от всяких крикунов и горлопанов, а также людей, которые горели на общественной работе. Затем на выход попросили обычных лентяев, бездельников и хронических неудачников. И уже потом, когда все, включая начальство, вздохнули с облегчением и готовы были, ни на что не отвлекаясь, приступить к работе, оказалось, что работы этой нету. И зарплаты тоже.

И тогда из института ушли умные немолодые мужчины (умные и молодые ушли гораздо раньше, еще до многодетных мамочек и свежее испеченных пенсионеров).

А в самом конце пришел приказ из министерства сократить всех, а институт не то закрыть, не то перепрофилировать.

Таким образом, Надежда Николаевна, интеллигентная женщина средних лет с высшим образованием, перешла в разряд домохозяек. Муж ее такой перемене был безумно рад, она потихоньку привыкла к своему новому положению и не заводила уже разговор о том, чтобы поискать другую работу. Однако голова, привыкшая за много лет быть все время загруженной задачами разной степени сложности, не смогла сразу перестроиться.

Надежда Николаевна обожала разгадывать криминальные загадки. По иронии судьбы, ее многочисленные знакомые все время попадали в сложные ситуации, в которых не обходилось без криминала. И Надежда всегда оказывалась в нужное время в нужном месте, чтобы с головой влезть в какую-нибудь подозрительную историю. И выйти из нее с победой и без потерь.

Муж Надежды, Сан Саныч, эту ее склонность очень не одобрял. И даже неоднократно ругался с Надеждой по этому поводу, хотя, как уже говорилось, по натуре был человеком на удивление вежливым и спокойным. Он утверждал, что Надежда сама, по собственной воле ищет сомнительных приключений и неприятностей на свою голову. И что это добром не кончится. И что нельзя раз за разом безнаказанно искушать судьбу. И что как веревочке ни виться, а кончик будет. И еще много всяких слов на эту тему.

Тысячу раз давала ему Надежда честное-пречестное слово, что больше никогда и нигде, ни под каким видом и ни при каких обстоятельствах она не вмешается ни в одну криминальную историю! Однако по прошествии некоторого времени все начиналось сначала. Всему виной было пресловутое любопытство.

Вот и сейчас, узнав по телевизору про убийство Елены Серебровской, она вдруг почувствовала жжение в корнях волос, ей показалось даже, что волосы зашевелились.

Надежда Николаевна очень удивилась – кто ей эта журналистка? Жалко, конечно, но мало ли людей убивают? С чего это волосы дыбом встали?

Она подошла к зеркалу, и тут же смерть Елены Серебровской выскочила у нее из головы. В зеркале отражалась жуткая изможденная физиономия под цвет зеленого спортивного костюма. Глаза казались неестественно вылупленными, а щеки, наоборот, глубоко запади. Нос заострился – странно, Надежда думала раньше, что так бывает только у покойников. Впрочем, у нее как раз и вид был соответствующий – краше в гроб кладут.

Впечатление довершали волосы – торчат во все стороны, как у соломенной куклы, на корнях предательски пробивается седина, а сами какие-то пегие.

– Боже мой! – в ужасе вскричала Надежда. – Как я могла допустить такое? И как Саша меня терпит в таком виде? Я бы на его месте немедленно выбросила меня на помойку! Уже больше месяца я болтаюсь по квартире в таком жутком виде, удивительно, как у него хватило терпения!

Она тут же закашлялась – таким образом ее многострадальный организм напоминал, что он ни в чем не виноват, что его долго травили антибиотиками, не давали дышать свежим воздухом и вообще всячески над ним издевались. И Надежда Николаевна вспомнила, как ей было худо, как не спала она ночами, а потом совершенно ослабела от слоновьей дозы лекарства.

«Хорошо хоть хватило совести убирать на день постель и не шлаться по квартире в халате и ночной рубашке! – подумала она. – Но этот жуткий помятый костюм я сегодня же выброшу!»

Немедленно в парикмахерскую, решила Надежда Николаевна, иначе она просто выдерет с корнем это безобразие, что у нее на голове. Однако врачи строго-настрого запретили ей выходить из дома в слякоть и сырость.

– И что, – сказала Надежда появившемуся в прихожей коту Бейсику, – мне теперь в таком виде ждать до лета? Ну уж нет, закутаюсь как-нибудь, салон-то рядом, а ты меня не выдавай.

Кот поглядел очень выразительно, только что лапой у виска не покрутил, и Надежда сообщила, что муж, увидев ее с новой прической, все поймет.

Она позвонила парикмахеру Зинаиде, у той как раз оказалось окно. Надежда посчитала это руководством к действию и прямым указанием свыше, надела непромокаемую куртку с капюшоном и теплые ботинки. Потом постояла немного, чтобы голова перестала кружиться, сделала коту ручкой и поплелась в салон, который, к счастью, располагался в соседнем доме.

Когда Надежда Николаевна вошла в парикмахерскую, Зина заканчивала работать с предыдущей клиенткой.

– Надя, посиди минутку! – бросила она, увидев Надежду в зеркале. – Вон журналы полистай...

Повернувшись к женщине средних лет, на голове которой она создавала сложное сооружение из волос и лака, Зинаида продолжила прерванный появлением Надежды разговор:

– Это просто ужас! Прямо на работе... а она была такая милая, такая лапочка! Я все ее передачи смотрела! И причесана всегда хорошо... уж я-то понимаю!

– Говорят, там все было кровью залито, как... как на мясокомбинате! – подала голос клиентка.

– Да что вы, милая, какая кровь? – Зина отстранилась и любовно оглядела прическу. – Ее же задушили. Пакетом.

Надежда оторвалась от толстого глянцевого журнала и повернулась к Зине:

– Это вы о Серебровской?

– Ну да, конечно! – Зина стряхнула с фартука волосы и отступила на шаг. – Я же все знаю буквально из первых рук! Галя ходит к ней два раза в неделю, прибираться и готовить... то есть ходила...

– Галя? – переспросила Надежда.

– Ну да, сестра моя двоюродная. Она ведь живет в Петергофе, а там у них работы совершенно не найти, вот она и согласилась работать у Лены... ей очень удобно, у нее ведь двое детей...

– У кого двое детей? У Серебровской? – Надежда честно пыталась следить за рассказом.

– Да бог с тобой! У какой Серебровской? У Лены, слава богу, детей не было, а то бы сиротами остались... у Гали, у сестры моей двоюродной, которая из Петергофа, двое детей, мальчик и девочка, так ей очень удобно было – два дня в неделю поработает, а остальные свободна... Как она теперь выкручиваться будет – ума не приложу! К Серебровской-то ее по знакомству взяли, мама ее, тетка моя родная, с Марией Тимофеевной дружила...

– С кем? – снова переспросила Надежда. – Кто такая Мария Тимофеевна?

– Ну что ты, Надя, какая непонятливая! – обиделась Зина. – Мария Тимофеевна – это мама Ленина...

– Она тоже Серебровская? – уточнила Надежда.

– Ну да, – кивнула Зина. – Садись, Надя!

Предыдущая клиентка попрощалась и направилась к кассе, Надежда устроилась в кресле.

– Боже мой! – Зина всплеснула руками. – До чего же ты себя довела! Что у тебя с волосами? Это же не волосы, это какой-то кошмар! Твои волосы только в фильме ужасов снимать!

– Болела... – вздохнула Надежда Николаевна.

– Сейчас все болеют, – подхватила Зина. – Просто эпидемия какая-то! У кого грипп, у кого пневмония... ну это еще ничего, пройдет, а Леночку-то убили... а она такая лапочка... и всегда причесана хорошо... я все ее передачи смотрела! Но это ведь какой ужас – прямо на работе задушили! Ведь у них там охрана...

Надежда Николаевна слушала Зинаиду вполуха. Она усиленно пыталась вспомнить, где же она совершенно недавно слышала эту фамилию – Серебровская. Лена Серебровская... Нет, не Лена.

– Что будем делать-то? – вторглась в ее мысли Зинаида. – Ну, стричь – это однозначно. Красить, мелировать?

Надежда тряхнула головой и включилась в обсуждение. Порешили на том, что красить обязательно, но поскромнее, учитывая Надеждино состояние здоровья, но Зина взяла с нее слово, что, как только Надежда оклемается, она придет снова, и тогда уже будет и мелирование, и колорирование, и еще много всего сразу.

– Да ты меня и не слушаешь совсем? – обиделась Зинаида.

Надежда и вправду не слушала.

В голове у нее как будто прокручивалась магнитофонная запись – звучал резкий голос глухой старухи:

«...им грозит опасность! Они все могут погибнуть – Маша Чонишвили, и Настя Рубина, и Эля Маленко... И дочка Муси Серебровской...»

– Дочка Муси Серебровской уже погибла!..

Сама не заметив, Надежда произнесла эти слова вслух.

– Да, – удивленно проговорила Зина, на мгновение прекратив работать. – Мы ее так и называли в детстве – тетя Муся! А ты откуда ее знаешь?

– Да нет, я так, – опомнилась Надежда, – случайно сказала. Так ты говоришь – у этой Лены детей нету? А муж, стало быть, есть, раз твоя сестра к ней убирать и готовить ходила?

– Вот это ты верно заметила, – согласилась Зина, – если мужика нету, то и готовить не к чему. Поклевала чего-нибудь, того-сего, орешков погрызла, как белка, чайку попила – и довольна. Ох, если бы ты знала, Надя, как я готовить не люблю! Ну просто ненавижу! А куда денешься, если мой, к примеру, ни в одну еду без мяса не обходится! Даже чай пьет не с конфетами, а с колбасой!

– Что делать, – философски отметила Надежда Николаевна, – такая наша судьба.

И тут же вспомнила, что в последнее время готовит она из рук вон плохо, то есть совсем почти не готовит. Разогреет какие-нибудь готовые котлеты в печке. Или муж в выходные что-нибудь сообразит. Она вздрогнула, до того стало стыдно, за что и получила замечание от Зинаиды – краска потекла за шиворот.

– Да еще у меня такая фишка, – продолжала Зинаида, – каждый день обед готовлю. Это бабушка меня приучила, царствие ей небесное, домовитая была старушка. Так и говорила: Зинуша, подогретое жаркое – это не жаркое! Мясо должно быть свежее! Вот теперь мучаюсь, бабушкины гены покоя не дают.

– Неужели и суп каждый день варишь? – ужаснулась Надежда.

– Ну, с супом уж куда ни шло, а второе – каждый день! – гордо ответила Зинаида.

«Есть еще женщины в русских селеньях», – подумала Надежда и тут же задала новый вопрос:

– Стало быть, и сестра твоя хорошо готовит?

– Ясное дело, – ответила Зина, – бабушка-то у нас общая была. Галка меня помоложе, но тоже бабушку застала, научилась от нее.

– Значит, хозяева-то ее довольны были? – продолжала допытываться Надежда.

У нее не было никаких мыслей, никакого плана, просто на всякий случай она решила выкачать из Зинаиды побольше сведений про убитую Лену Серебровскую.

– Да как тебе сказать... – слегка задумалась Зинаида. – Лены-то самой вечно дома не было, Галя с ней и не пересекалась никогда. А муж, конечно, бывал иногда – деньги сестре платил, поручения давал.

– Ну и какой он из себя? – лениво поинтересовалась Надежда.

– Да ничего, постарше Лены, молчит все больше. Они вообще жили каждый сам по себе – у нее свои дела, у него свои.

– Зачем тогда вообще замуж выходить?

– И я о том же! – закивала Зинаида. – Но у них свои заморочки... А уж как теперь будет... как муж-то это переживет, я и не знаю. Галка звонила – плачет, и Лену жалко, и работу она, считай, потеряла...

Надежда поняла, что разговор сейчас пойдет по кругу и ничего нового она больше не узнает.

Она заскочила еще в магазин на углу и вернулась домой за час до прихода мужа. Времени хватило только для приготовления запеканки из цветной капусты, пришлось снова разогреть готовые куриные котлеты. Но это в последний раз, пообещала себе Надежда.

Она отыскала в шкафу брюки, которые отставила в прошлом году – были тесноваты. Теперь оказались в самый раз, и это радовало. Надежда подобрала к брюкам свитерочек поярче и в таком обновленном виде стала ждать мужа. И вот когда лифт уже открыл двери на их площадке, Надежда вспомнила, что за весь день ни разу не выпила швейцарское лекарство. От взгляда на бутылку она почувствовала устойчивое непреодолимое отвращение. В дверях скрипел ключ, тогда Надежда аккуратно отмерила две столовых ложки и вылила их в тот же фикус. Некогда было мчаться с бутылкой на кухню.

«Пусть смерть фикуса останется на моей совести, – скорбно подумала Надежда, – но лучше умрет он, чем я...»

Кот злобно блеснул желто-зелеными глазами.

Настя отступила чуть в сторону и полюбовалась делом своих рук.

Чудесный домик с черепичной крышей, с резными ставнями и нарядным крылечком. На крыше, возле аккуратной кирпичной трубы, пристроилось гнездо аиста, сам аист стоит на одной ноге, посматривая сверху вниз на прохожих, а на крылечке свернулся кот...

И все это – из нескольких сортов шоколада: черного, молочного и белого.

Настя очень любила свою работу.

Таких специалистов, как она, в городе было всего четверо. Назывались они по-разному: дизайнер элитных кондитерских изделий, шоколатье, скульптор-кондитер... сама Настя предпочитала простое название – шоколадница.

У нее над рабочим местом висела репродукция известной картины Жана Лиотара с таким же названием: симпатичная девушка в белоснежном фартуке и крахмальном чепце держит в руках поднос с горячим шоколадом...

Друзья говорили Насте, что она чем-то похожа на эту девушку. Впрочем, немудрено: она носила на работе такую же крахмальную наколку и белый передник, только, конечно, не такой длинный, как у девушки на картине.

Ей очень нравился нежный аромат шоколада и добавляемых в него специй, нравилось выдумывать и создавать из этого лакомства удивительные, хотя и недолговечные, композиции.

Нравилось Насте и то, что время от времени ей случалось работать на выезде – оформлять своими изделиями корпоративные праздники, проводить презентации новых сортов шоколада, элитных конфет и сладостей.

Она считалась специалистом высокого уровня – недаром закончила курсы кондитерского дизайна в Женеве.

Но больше всего, пожалуй, Насте нравилось смотреть, как дети, придя в их магазин, замирали на пороге, изумленно открыв глаза, а то и рот.

Впрочем, заведение, в котором работала Настя, не полагалось называть магазином.

«Магазин – это ширпотреб, это место, где можно купить сладкую плитку за двадцать рублей, – говорила на вечерних пятиминутках Ангелина Васильевна, совладелица и управляющая заведением. – А вы, девушки, работаете в салоне элитного шоколада! Запомните это, ведь если даже вы не будете чувствовать разницу, то как ее почувствуют посетители?»

Настя была полностью с ней согласна.

Ее собственный сын Дениска, когда она впервые привела его на работу, тоже замер в восхищении, увидев шоколадные замки с высокими зубчатыми стенами и башенками, шоколадных коров и овечек и, конечно, главное украшение салона – огромный, полутораметровый шоколадный фонтан.

Когда Дениска первый раз пришел к ним в салон, был как раз канун Рождества, и, кроме постоянных композиций, на видном месте красовалась специальная рождественская – ясли со святым семейством, ослик и вол, дыханием согревающие младенца Иисуса...

Выездная работа не всегда бывала творческой – иногда Настя просто сопровождала и обслуживала заказанный клиентами шоколадный фонтан. Впрочем, это тоже было приятно – чаще всего этот аттракцион заказывали на детские праздники, а что может быть приятнее, чем доставлять радость детям?

Настя еще раз оглядела шоколадный домик и добавила последний, завершающий штрих – повесила над дверью подкову из черного шоколада. На счастье.

В таком домике она и сама не прочь поселиться. Вместе с Дениской.

Домик с аистом на крыше, с котом на крылечке и подковой над дверью...

Композиция была готова, ее можно выставить в витрину.

В мастерскую заглянула Ангелина Васильевна.

– Настя, ты не забыла, что сегодня выезд?

Ну да. Сегодня корпоративная вечеринка крупной риелторской компании. Они заказали шоколадный фонтан, оформление стола и подарки – мобильные телефоны из темного шоколада с логотипами своей фирмы. В принципе с такой работой вполне справился бы кто-нибудь из девчонок-продавец, но за выезд фирме перечисляли хорошие деньги, и Ангелина всегда посылала Настю, чтобы все проходило на самом высоком уровне. Идеино-художественном, как говорила острая на язык Лиза Воронько.

Настя не возражала против таких поездок по двум причинам. Первая – Ангелина за выезд хорошо доплачивала, а деньги всегда очень нужны. Особенно когда ты одна растешь ребенка.

Вторая причина...

Вторую причину Настя старалась не обсуждать. Даже с самой собой.

Она сменила простой рабочий передник на нарядный кружевной, поверх униформы накинула пальто и поспешила к машине.

Игорь, водитель, погрузил в грузовой отсек оборудование для фонтана, флягу с запасным шоколадом, аккуратно установил коробки с композициями. Настя села рядом с ним в кабину «Форда», и они отправились на Васильевский остров.

Риелторы толпились вокруг стола – молодые, веселые, хорошо одетые. Шоколадный фонтан имел большой успех – все подходило к нему и макали кусочки фруктов в теплый молочный шоколад, плавным потоком непрерывно струящийся по стенкам установки. Все оформление стола было Настиного изготовления – шоколадные макеты успешно проданных компанией домов, припаркованные вокруг них автомобили, кусты и деревья вдоль газона...

Красивый парень лет тридцати макнул в теплый шоколад кусочек банана и вымазал шоколадом носик миловидной пухленькой блондинки. Та радостно рассмеялась.

Настя вздохнула и отвела глаза.

Второй причиной, по которой Настя охотно ездила на такие презентации, была мечта, в которой она сама боялась себе признаться. Мечта, что когда-нибудь на такой вечеринке она встретит Его. Настоящего мужчину. Красивого, умного, внимательного. Конечно, обеспеченного. Но самое главное – такого, который по-настоящему полюбит и ее, и Дениску...

Но это все мечты. Даже не мечты, а глупости, которым позволительно водиться в голове у пятнадцатилетних девчонок. А Настя умная. Теперь стала умная. Трезвому взгляду на вещи очень помогает отсутствие твердого плеча, на которое можно опереться в трудную минуту. А трудные минуты случаются часто, когда у тебя на руках шестилетний ребенок.

На самом деле все, кто вертится вокруг ее стола, давно и безнадежно женаты. Даже если среди них и попадаются отдельные неженатые экземпляры, вроде этого развязного красавчика, – так на них очередь, как на квартиру в прежние времена. Они, конечно, с интересом

посматривают на румяную, белокожую девушку в кружевном переднике, удивительно похожую на «шоколадницу» Лиотара, но этот интерес не простирается дальше короткой необременительной интрижки...

Такое Настя уже проходила.

Однако несвоевременные глупые мысли упорно появлялись. Ведь вот же, думала Настя, перед ней множество веселых, счастливых людей! Некоторые пары выглядят действительно влюбленными – хотя бы вот тот парень маленького роста, что, задрав голову, смотрит на девицу с бордовыми волосами. Она и без каблуков-то будет выше его на полголовы, а еще каблучищи надела. И ничего, нисколько им это несоответствие не мешает, лопают себе шоколад и смеются.

Настя спохватилась, что у нее хмурая физиономия, а это недопустимо на празднике, и снова напустила на лицо дежурно-приветливую улыбку.

Вдруг среди десятков взглядов – равнодушных, заинтересованных, насмешливых – она ощутила совершенно особенный взгляд.

Внимательный, пристальный, изучающий.

Отчего-то ей стало как-то беспокойно.

Настя провела рукой по лицу, снова поискала этот встревоживший ее взгляд в толпе, но не встретила его. Зато увидела лицо, которое показалось ей смутно знакомым.

Где она видела этого человека?

Кто-то из постоянных покупателей? Или она встречала его в садике у Дениски?

– Дорогие друзья! – раздался рядом с ней усиленный микрофоном голос директора компании. – А сейчас мы назовем имена наиболее отличившихся сотрудников компании... кто в этом году сделал больше всего продаж в секторе одно-двухкомнатных квартир.

Директор взял в руки конверт, разорвал его, сделал драматическую паузу и торжественно произнес:

– Василиса Олябкина!

Под дружные аплодисменты коллег вперед выскочила невысокая девчушка с усыпанным веснушками лицом.

– Компания премирует Василису поездкой в Париж и небольшим, но очень вкусным подарком! – И директор протянул Василисе один из приготовленных Настей шоколадных телефонов.

Вечеринка закончилась. Последние риелторы поспешно покидали зал, под руки вывели лысого типа, умудрившегося напиться буквально до потери сознания.

Вот странно, всегда, на любой вечеринке, найдется один такой. Даже если не подают ничего крепче шампанского.

В зал вошел Игорь, Настя помогла ему отключить и разобрать фонтан, собрала во флягу остатки шоколада.

Рабочий день закончился.

Прежде чем вернуться в салон, Игорь завез ее домой. Он остановился на углу, напротив сквера – к самому дому подъезжать было неудобно, точнее, неудобно было потом выруливать на проспект. Впрочем, Настя и не настаивала – главное, что добралась домой без проблем, не пришлось давиться в метро, дожидаться на холоде маршрутку...

Настя махнула рукой, перебежала улицу, свернула на темную, покрытую раскисшим снегом дорожку.

Днем погода была неплохая, по небу неслись тревожные облака, на какое-то мгновение среди них даже промелькнуло солнце. Но к вечеру опять пошел дождь со снегом.

Настя пожалела, что не попросила Игоря довезти ее до самого подъезда. Она зябко подняла воротник и прибавила шаг. Позади показалась какая-то сторбленная фигура. Настя опас-

ливо покосилась на нее, вышла в круг размытого света возле фонаря и свернула к своему подъезду. Незнакомец прошел мимо и остановился возле следующего подъезда, загремел ключами.

Настя перевела дух – кто-то из припозднившихся соседей возвращался с работы или с вечеринки...

Она набрала номер на кодовом замке, вошла в подъезд.

Внутри, как всегда, было полутемно.

Кто-то из бомжей, забредавших к ним в подъезд погреться, опять разбил лампочку над дверью.

Давно пора поменять допотопный кодовый замок на нормальный домофон, но соседи подобрались на удивление равнодушные. Или просто скуные.

У Насти и у самой, конечно, нет лишних денег, но за безопасность и покой для себя и Дениски она отдала бы последнее...

Она отряхнулась, как выбравшаяся из воды собака, и направилась к лифту.

При этом ей нужно было пройти мимо неплотно прикрытой двери подвала.

Замок на этой двери снова сбили, и Насте показалось, что за ней кто-то прячется. Сердце забилося в груди, как пойманная птица. Настя сунула правую руку в карман, сжала в кулаке связку ключей – какое-никакое, все же оружие...

Темнота за дверью казалась живой, угрожающей. И еще ей отчего-то вспомнился тот странный взгляд на сегодняшней вечеринке – внимательный, пристальный, изучающий...

Она проскочила мимо подвальной двери, но теперь ей казалось, что живая, шевелящаяся темнота смотрит ей в спину. Смотрит пристально, настойчиво, угрожающе.

Она хотела обернуться, удостовериться, что все это – не больше чем фантазии, ни на чем не основанные страхи, но невозможно было заставить себя взглянуть на то, что пряталось за спиной...

Теперь ей послышался позади совершенно отчетливый шорох.

Настя вскрикнула и бросилась вперед, к лифту...

И как раз в эту секунду двери лифта распахнулись, и на площадку вывалился сосед, Лешка Коршунов.

Лешка, как всегда, был навеселе.

– Настюха! – заорал он, широко раскинув руки. – Дай я тебя поцелую! Ты моя любимая женщина! Вот как бог свят – никого так не люблю, как тебя! Настюха, выходи за меня замуж!

– Проспись сперва, – беззлобно отозвалась Настя, обходя Лешку и протискиваясь в кабину лифта. – Если трезвый придешь – поговорим!

– Ну, ты сказанула – трезвый! – рассмеялся Лешка. – Я сам-то себя трезвым не помню! Значит, не хочешь за меня замуж? Ну, как знаешь! Тогда я к Ленке пойду, она – моя самая любимая женщина! После тебя. Она точно за меня замуж согласится.

Настя нажала кнопку своего этажа. Сердце понемногу успокаивалось.

Дома все было тихо. Настя сняла сапоги, скинула пальто прямо на пол в прихожей и босиком прокралась в комнату сына. Дениска спал, раскинувшись на кровати, румяный и растрепанный. Медведь Федя, как всегда, валялся на полу. Настя глядела на сына, ощущая, как волна теплой нежности приливает к сердцу, и на душе становится спокойно и радостно.

Ребенок пошевелился во сне, и Настя, пятась, вышла из комнаты.

Кто-то осторожно постучал в дверь. На площадке стояла соседка Ирина, запахивая на груди халат.

– Ну, ты даешь, Настасья, – зевая, сказала она, – гуляешь до полуночи. Мужик-то хоть того стоит?

Это были ее обычные шуточки, Ирка прекрасно знала, что Настя не гуляет, а работает допоздна, оттого и просит ее приглядеть за сыном. На нее всегда можно положиться – своих трое, да еще муж и собака, и все в полном порядке – сыты, умыты, одеты.

– Все в порядке? – спросила Настя, отдавая соседке шоколадные фигурки, оставшиеся от вечеринки.

– Ух ты! – изумилась Ирка, разглядывая мобильный телефон. – Прикольно! Завтра своему в карман вместо настоящего положу – вот смеху будет! Имей в виду, я твоего Дениску той гадостью, что ты оставляешь, кормить не стала. Дала ему картошки с мясом – вот это еда, а то парень и не вырастет никогда!

Настя отвернулась, чтобы Ирка не заметила ее лица и не завелась с полоборота. Они всей семьей любят поест, и все больше мяса со шкварками да жирной ветчины. Дениске жирного совсем нельзя, у него сосуды слабые. Врач прописал строгую диету – фрукты, овощи, ничего копченого, жирного, острого. Но с Иркой не договоришься, она вообще врачей за людей не считает. Да и как Настя может ставить ей условия? Соседка по доброте душевной ей помогает, денег не берет. Да у Насти денег особо и нету...

Против всех опасений Надежды, муж не стал ее воспитывать по поводу самовольной отлучки из дома, он одобрительно оглядел свою обновленную жену и похвалил новую стрижку. А уж когда Надежда вытащила из духовки запеканку с хрустящей корочкой, муж едва не прослезился, видно, и впрямь оголодал за последнее время.

– Вот видишь, Надя, как на тебя хорошо действует это замечательное лекарство, – радостно говорил Сан Саныч, сидя после обеда в гостиной с котом на коленях, – ты меняешься буквально на глазах. Кстати, ты не забыла принять сегодня порцию?

– Да-да, – ответила Надежда, – я пила.

По натуре она была женщиной честной и правдивой, обманывать мужа ей было как нож острый под ребра. Однако частенько приходилось это делать, потому что, как уже говорилось, Сан Саныч строго-настрого запретил ей ввязываться в опасные авантюры. А ей не то чтобы очень хотелось это делать, но обстоятельства всякий раз складывались так, что без Надежды никак нельзя было обойтись. Поэтому Надежда Николаевна выработала свою собственную тактику обмана мужа: не врать в открытую, а слегка недоговаривать. Или умолчать.

Муж был человек чрезвычайно проницательный, Надежду успел хорошо изучить и заподозрил бы вранье, если бы оно было явным. Вот и сейчас Надежда чуть помедлила, прежде чем ответить, и этого оказалось достаточно.

– Надежда! – строго сказал муж. – Сейчас же отвечай, пила ты лекарство или не пила?

– Да пила, – ответила она с досадой, видя, что вредный кот ушел от Сан Саныча и вспрыгнул на подоконник, поближе к фикусу, – конечно, пила...

Бейсик выразительно фыркнул и потерся боком о многострадальный фикус. Затем поглядел на Надежду ехидно и потрогал лапой сыроватую землю.

– Посмотри мне в глаза! – потребовал муж.

Надежда сделала над собой усилие и уставилась на мужа честными глазами. Это не помогло.

– Немедленно говори правду, ты выпила сегодня лекарство три раза?

– Ну, не три... – Надежда опустила глаза в пол, – не три, а только два...

Сан Саныч, ожидавший худшего, был так приятно поражен, что даже не стал ругаться. Кот по-прежнему демонстративно рыхлил фикус. Надежда Николаевна походила по комнате и, видя, что рыжий предатель наблюдает за ней исподтишка, показала ему ершик для пыли, свернутую газету и покачала ногой в шлепанце. Все три предмета успешно использовались при экзекуции: ершиком лупили кота по наглой морде, шлепанцем – по филейной части, а газетой куда придется. Разумеется, все это проделывала только Надежда, Сан Саныч своего ненаглядного Бейсика и пальцем не тронул бы.

Кот прикинул все «за» и «против», вспомнил, что завтра он останется с Надеждой на целый день один в квартире, и решил пока придержать информацию.

Спала Надежда плохо – в ушах стоял резкий голос старухи, которая перечисляла фамилии женщин, утверждая, что они могут погибнуть, – Эля Маленко, Настя Рубинина, Маша Чонишвили... И Лена Серебровская, которую уже убили...

Конечно, самое умное в этой ситуации было пожать плечами, сказать мысленно: «А мне-то какое до всего этого дело!» – и забыть. Но, во-первых, забыть не дадут средства массовой информации, они еще долго будут мусолить убийство Елены Серебровской. А во-вторых, по отношению к старухе получается не совсем честно. Она-то уверена, что говорила с Тасей, просила у нее помощи и теперь небось ждет. А никто к ней не придет, потому что неизвестная Тася находится в полном неведении и вряд ли соберется позвонить старухе просто так. Во всяком случае, надеяться на это не стоит.

Тут Надежду Николаевну наконец осенило, что у нее же есть в телефонном аппарате автоматический определитель номера с памятью. И там записан старухин телефон. Так что нужно просто позвонить и объяснить пожилой женщине, как все случилось. Это будет не просто, учитывая старухину глухоту, но Надежда уж постарается. А то совесть замучает.

И надо было сделать это еще вчера, а до нее все доходит как до жирафа. Просто удивительно, как плохо влияют антибиотики на умственные способности!

Надежда пододвинула к себе аппарат, просмотрела память и нашла номер вчерашней старухи. Набрав этот номер, поднесла трубку к уху и откашлялась, чтобы голос звучал четко и разборчиво.

Однако из трубки доносились унылые длинные гудки.

Надежда положила трубку: наверное, бабулька удалилась в ванную или какое-нибудь другое место...

Откуда-то бесшумно возник Бейсик, ловко вспрыгнул на колени к хозяйке, громко мурлыкнул и посмотрел ей прямо в глаза. Казалось, он спрашивал ее:

«Чем это таким ты занимаешься? Может быть, пора угостить кота чем-нибудь вкусным, а то сейчас наступило то самое неприятное время суток, когда завтрак уже давно закончился, а до ужина еще ждать и ждать!»

– Ничего не получишь, – строго проговорила Надежда Николаевна. – Ты и так слишком растолстел! Тебе непременно нужно сбросить килограмм-другой!

Бейсик обиженно фыркнул и соскочил на пол. Неторопливо двигаясь в сторону кухни, он бросил на хозяйку многообещающий взгляд: мол, стоило бы рассказать Сан Санычу, какими подозрительными делами ты занимаешься в его отсутствие!

– Смотри у меня! – пригрозила коту Надежда. – Шантажисты, к твоему сведению, плохо кончают!

Она подождала еще немного и снова набрала телефон.

И опять ей ответили равнодушные длинные гудки.

Да что же это такое?

Может быть, старуха куда-то ушла?

Но ведь она прямым текстом сказала какой-то Тасе, что никуда не выходит, что целый день будет дома...

В душе у Надежды Николаевны шевельнулось смутное беспокойство. И еще – неосознанное чувство вины. Ведь эта старушка ждет свою Тасю... Конечно, Надежда ни в чем не виновата, но, с другой стороны, если бы она сумела объяснить старушке, что та ошиблась номером, она дозвонилась бы до своей знакомой...

Чтобы успокоить свою совесть, она набрала телефон бюро ремонта, назвала номер старухи и попросила проверить, все ли в порядке с ее телефоном.

– Моя тетя целый день не отвечает, – соврала Надежда. – Так вот я хочу проверить...

– Сорок три девяносто пять? – сочувственно повторила женщина-диспетчер последние цифры номера. – Тяжело со стариками... вот матери моей тоже семьдесят восемь... Железнодорожная, десять, квартира двадцать четыре... нет, там ничего нету. Линия в порядке. Наверное, ушла куда-нибудь ваша тетя...

– Может быть... – проговорила Надежда, уставившись на телефон. – Может быть...

Она мысленно повторила адрес: Железнодорожная, десять... это ведь совсем рядом! Конечно, муж будет ругаться, но в конце концов он поругается и перестанет, а совесть будет точить ее днем и ночью. Да и потом, как Саша узнает, что она выходила? Если только от нее самой, а уж она-то не проболтается! Она только добежит до старушки, убедится, что та в полном порядке, расскажет ей о недоразумении с телефонным звонком и тут же вернется домой.

В конце концов она оделась и отправилась на Железнодорожную улицу.

Правда, намерения «добежать» дотуда за пять минут оказались неосуществимыми: Надежда Николаевна явно переоценила свои силы, она едва ползла, время от времени ненадолго останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

Последнюю вынужденную остановку она сделала рядом с домом номер десять.

И увидела возле нужного подъезда две машины с включенными синими «мигалками» и толпящихся вокруг них парней определенно милицейского вида.

Тут ей стало по-настоящему плохо.

Неужели она опоздала и с незнакомой старушкой случилось несчастье?

Надежда без сил опустилась на скамейку, где уже сидели две бодрые тетki среднего пенсионного возраста.

– Я чуть от страха не померла! – с горящими глазами говорила одна из них, с рыжим «кренделем» на голове. – Представляешь, Люба, звоню-звоню, а она все не открывает... тогда уж ключи взяла, что она мне дала, вхожу – а она мертвая!

– Нет, это и представить невозможно! – со сладким ужасом в голосе ответила вторая, в перманентной завивке. – Это ты, Нюра, просто настоящая героиня! Тебе памятник надо поставить! Каменный! При жизни! Я бы, наверно, тут же на месте и окочурилась! Точно тебе говорю – памятник! И что ты вообще об ней, об постороннем человеке, так заботилась – за это одно орден полагается!

– Ну уж, орден! – зарделась рыжая. – Мы же все люди... как не позаботиться о старом человеке! Главное дело, это какой ужас – пакет на голову надет, прямо как в кино! Я, конечно, ничего там не трогала... чтобы отпечатки остались... эти, в сериалах, всегда говорят, чтобы ничего не трогать... выскочила сразу и в милицию позвонила... ну, эти-то быстро приехали!

– Это хорошо, что у тебя ключи были, – вторила завитая. – А то бы она там неделю пролежала...

– Не говори, Люба, – вздохнула рыжая. – Так вот помрешь, и никто ведь не вспомнит... это еще хорошо, что у нее родственники имеются, а то ведь до старого человека никому и дела нет...

– Это только один разговор, что родственники, – отозвалась вторая. – Они только насчет квартиры родственники, а продуктов лишний раз занести их нету...

– Это вы случайно не про женщину из двадцать четвертой квартиры говорите? – вступила в разговор Надежда, в глубине души надеясь на отрицательный ответ.

– Про нее, про Варвару Степановну, – подтвердила тетка с «кренделем». – А вы почему интересуетесь? Вы ей кто же будете? Вы ей случайно родней не доводитеесь?

– Да я-то ей никто... я из собеса... – ляпнула Надежда первое, что пришло в голову. – Ей путевка бесплатная полагается...

– Путевка? Бесплатная? – живо заинтересовалась Люба. – Это за какие такие заслуги?

– А я знаю? – Надежда пожала плечами. – Мое дело маленькое – проинформировать... Наверное, она заявление подавала, вот очередь и подошла...

– Ты чего, Люба, на человека надела? – подключилась к беседе Нюра. – Человек работу свою выполняет... а теперь, когда ее убили, так кому, к примеру, эта путевка достанется?

– А я знаю? – повторила Надежда Николаевна, решив, что такая позиция наиболее безопасна. – Сами в беседе узнавайте!

– А куда, к примеру, эта путевка? – не сдавалась рыжая Нюра. – В санаторий или, допустим, в какой-нибудь пансионат?

– В пансионат, на Карельский перешеек, – отозвалась Надежда и задала встречный вопрос: – А у нее... у Варвары Степановны... родственники имеются?

– А как же! – выпалила Люба. – Очень даже имеются! И сейчас, как квартиру делить, так непременно набегут! А раньше-то где они были? Когда надо было лишний раз, к примеру, навестить старого человека, так их не дозовешься! Вот ей, Нюре, ключи дали, чтобы она, значит, за Варварой присматривала... а она ведь, Нюра-то, и сама не молоденькая! Это ей памятник надо каменный поставить, что она такой человек на редкость внимательный! Другой бы кто и не подумал к чужой старухе ходить... Хотя у Варвары Степановны родственники еще ничего, более-менее понимающие... Это вот Серафиму из четвертого подъезда, ту совсем бросили и не вспоминали, хотя родная племянница имела... а вот как она померла и квартира-то освободилась, так эта племянница в один момент объявилась, и со всеми своими претензиями... а к Варваре все ж таки приходили. Один такой видный мужчина наведывался. Вот только вчера приходил...

– Да это ты, Люба, путаешь! – перебила ее приятельница. – Этот-то, что вчера, вовсе не родственник!

– А кто же, как не родственник? Полюбовник, что ли? – И Люба зашлась оглушительным хохотом. – Что ты, Нюра, такое говоришь? Срамота слушать!

– Это тебя срам слушать, – надулась Нюра. – А я если говорю, так знаю! Мне Варвара Степановна сама говорила, что никакой он не родственник, а вовсе из газеты...

– Из какой газеты? – переспросила Надежда.

Покалывание в корнях волос заставило ее насторожиться.

– Вот уж из какой – это я вам не скажу, – солидно ответила Нюра. – Не имею такой привычки говорить чего не знаю. А только Варвара Степановна лично мне говорила, что он из газеты. И приделась к его приходу, и в квартире у себя прибралась...

– Ну я прямо не знаю, – перебила ее Люба. – С какого такого интереса к нашей Варваре из газеты пожаловали? Кто она такая – певица, что ли, знаменитая? Или космонавтка? Или, может, какого-нибудь царского рода-племени?

– Ты не знаешь, и я не знаю! – нравоучительно проговорила Нюра. – Может, и была в молодости певицей!

– Да какой она была певицей! – отмахнулась Люба. – В поликлинике районной она работала, в регистратуре карточки выдавала!

В это время к скамейке приблизилась еще одна местная жительница – прямая, как палка, старуха с недоверчиво поджатыми губами.

– Вы кто же это будете? – уставилась она на Надежду. – Что-то мне ваша личность незнакома.

– Это из собеса женщина, – сообщила Нюра, подвинувшись, чтобы освободить место. – Путевку Варваре Степановне принесла, да видишь, зря только ноги сбила...

– Из собеса? – переспросила новоприбывшая. – А что это я вас в беседе никогда не видала? Я там, почитай, всех знаю... и Нину Ивановну, и Эвелину Петровну, и Галию Махмудовну...

– А я там недавно работаю, – отозвалась Надежда.

– И путевки сейчас никакие не распространяют, – гнула свое вредная тетка. – Путевки для льготников в собес осенью поступают или в начале зимы, а сейчас считается скоро весна...

– Какая весна, – отмахнулась Надежда. – До весны еще ждать и ждать... – Она взглянула на часы и заторопилась: – Идти мне нужно... заболталась я с вами, а мне еще начальству отчитаться нужно...

– Ну-ну! Отчитаться – это первым делом! – строго произнесла подозрительная старуха, усаживаясь на место Надежды и провожая ее недоверчивым взглядом.

Настроение было отвратительным. Получалось, что как ни крути, а Надежда причастна к смерти старухи. Косвенно, конечно, но все же доля вины ее в этом есть. Если бы она сразу перезвонила и сказала, что Варвара Степановна ошиблась номером, старуха дозвонилась бы до Таси, и тогда, возможно, ее сумели бы защитить.

Теперь уже Надеждин внутренний голос помалкивал и не советовал забыть всю историю, как страшный сон. Внутренний голос у Надежды был противным занудой, но привык реально оценивать свои силы, в данном случае он понял, что Надежда все равно его не послушает. Тем более что в дело вступила совесть. Совесть на Надежду всегда имела большое влияние. Так что внутренний голос был один против совести и любопытства и быстро понял, что у него нет никаких шансов на победу. Поэтому он затаился в глубине души до более удобного случая, а Надежда Николаевна поплелась домой, обходя лужи и пытаясь отскочить от проезжающих и норовящих окатить ее машин.

Дома кот сразу понял, что Надежда не в духе, и даже не сошел с дивана, чтобы поприветствовать хозяйку. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Надежда занялась хозяйственными делами. Под неумолчный шум пылесоса она размышляла, что же теперь делать. Старуху убили, это само по себе плохо. Но еще хуже, что вместе с ней ушли в неизвестность все сведения, кто такие те женщины и от кого им грозит опасность. Лену Серебровскую уже убили, но ведь остались еще трое – Настя Рубинина, Эля Маленко и Маша Чонишвили. Надежда запомнила фамилии наизусть. Нужно обязательно добраться до них и предупредить о грозящей опасности. Заодно и выяснить, в чем же там дело.

Но соваться в дом убитой старухи больше нельзя, уж больно соседки подозрительные, еще в милицию сдадут.

Надежда убрала пылесос и отправилась на кухню выпить чаю. Эта несложная процедура всегда помогала ей обрести ясность мысли. Кот тут же появился и затребовал перекусить. Надежда предложила ему сухой крекер, кот оскорбленно вскинул голову и фыркнул. Надежда машинально съела крекер сама, затем, радуясь, что появился аппетит, умяла еще полпачки.

Кот опомнился и стащил со стола пустой пакет. Не веря своим глазам, он разорвал его и заглянул внутрь.

– В кругу семьи не щелкай клювом, – наставительно сказала Надежда, – нечего было жеманничать.

Кот поднял хвост вверх и ушел, затаив на Надежду немалое количество хамства.

После чая мозги зашевелились быстрее, и Надежда подумала, что неплохо бы сходить в ту самую участковую поликлинику, где работала покойная Варвара Степановна. Раз проработала она в регистратуре много лет, несомненно, должны у нее остаться там друзья, возможно, даже близкие подруги. И чем черт не шутит, может быть, как раз там и работает та самая неуловимая Тася.

Вот уже больше года Надежда с мужем жили не в ее однокомнатной квартирке, а в той, где жил раньше ее муж Сан Саныч с сыном, невесткой и внуком Вовкой. Сыну предложили контракт в Канаде, и вся семья улетела туда, прихватив даже огромного сенбернара по кличке Арчибальд. Сан Саныч, конечно, скучал по родным, но был очень доволен переездом в трехкомнатную квартиру – там больше места, и он не чувствует себя нахлебником.

Таким образом, Надежда могла совершенно спокойно идти в регистратуру участковой поликлиники и требовать свою карточку, которой там быть никак не могло. И заодно разузнать,

не лечились ли в той поликлинике все три молодые женщины. Вполне могла старуха знать о них по работе...

Гипотеза, конечно, была притянута за уши, но Надежда Николаевна решила не сидеть просто так, а хоть что-то предпринять, авось повезет. Только идти в поликлинику нужно вечером, перед самым закрытием, когда народу поменьше.

Как ни странно, в холле поликлиники было совершенно пусто. За окошечком регистра- туры сидела маленькая, худенькая старушка с аккуратными седыми кудряшками, слегка под- крашенными голубым тоном, и наивным детским личиком.

Надежда Николаевна подумала, что с этой старушкой у нее не будет проблем. Она подо- шла к окошечку, громко закашлялась и хриплым простуженным голосом проговорила:

– Мне бы талон к дежурному...

– Душечка! – воскликнула старушка неожиданно звонким молодым голосом. – Куда же вы пришли в таком виде? Вам надо было на дом врача вызвать!

– Температуры нету! – вздохнула Надежда. – А без температуры на дом не приходят!

Старушка сочувственно вздохнула, достала бланк талона и спросила фамилию. Выписав номерок, она направилась к стеллажу за карточкой. Она была такого маленького роста, что почти не возвышалась над перегородкой.

– Лебедева? – переспросила она через минуту.

– Ну да, – подтвердила Надежда Николаевна.

– Что ж такое, – старушка одну за другой вынимала карточки, – Лебедев Александр Алек- сандрович – есть...

– Это мой муж! – призналась Надежда и снова закашлялась. – Моя карточка должна быть рядом...

– Нету... – старушка развела руками, – Александр есть, а Надежды нету...

– Безобразие! – театрально возмутилась Надежда Николаевна. – Никакого порядка!

– Это вы не правы, – расстроилась старушка. – У нас так не бывает, чтобы карточки пропадали. У нас в документации всегда порядок. Может быть, она у вас на руках?

– Что вы! – открестилась Надежда. – Мне ее на руки никогда не выдавали. Да я бы и сама не взяла, зачем мне дома такое держать? Только расстраиваться...

– Так, может, я вам временный дубликат выпишу? – робко предложила регистраторша.

– Ну уж нет, – уперлась Надежда Николаевна. – У меня там результаты анализов под- шиты... что я, зря, что ли, кровь из вены сдавала? Знаете, как меня процедурная сестра изму- чила – никак не могла вену найти! Пусть хоть врач анализы посмотрит...

– Ну, я прямо не знаю... – огорчилась старушка. – Может, когда вы к специалисту какому- нибудь ходили, вашу карточку не туда поставили... вы у каких специалистов были?

– У отоларинголога, – принялась перечислять Надежда, – у окулиста... у ревматолога...

Старушка снова направилась к стеллажу.

В это время к окошечку подбежал взмыленный парень лет тридцати с небольшим.

– Эй, есть кто живой? У меня талон к Васильевой! Скорее! Я опаздываю!

– Сейчас-сейчас! – отозвалась регистраторша из-за стеллажа. – Видите, я занята!

– А мне это по барабану! – огрызнулся парень. – Талон у меня на полседьмого, понятно? А Васильева, она сегодня вообще только до семи принимает!

– Да вот, женщина же раньше вас пришла... сейчас я с ней закончу и немедленно займусь вами... – старушка попыталась урезонить скандального посетителя.

– Вы тут час будете копошиться! – раздраженно проворчал парень. – Сказано вам – я спешу!

– Давайте я сама карточку поищу! – предложила Надежда Николаевна. – А вы пока зай- метесь этим нервным мужчиной...

– Вообще-то это не положено... – огорчилась регистраторша, но опасливо взглянула на раздраженного посетителя и согласилась на предложение Надежды.

Надежда Николаевна, которой только это и было нужно, прошла за барьер и устремила к стеллажам.

На самом деле здесь был относительный порядок. Карточки стояли по алфавиту, фамилии и данные пациентов аккуратно отпечатаны на первой странице.

Надежда незаметно сверилась со своим списком. Первой в нем значилась Эля Маленко.

На букву «М» карточек было очень много. На первой полке попались Мавроди, однофамилец знаменитого махинатора первых лет перестройки, человек с замечательной фамилией Магарыч, семья Мажейкиных, оперно-историческая фамилия Мазепа, целое созвездие Макаровых и один Макаровский. Надежда напряглась, но следующая карточка принадлежала Николаю Маленкову, дальше шло несколько Малининых, один престарелый Малиновский и семья Маневич. Никого по фамилии Маленко не оказалось.

Первая неудача не разочаровала Надежду Николаевну, и она перешла к букве «Р». Быстро проскочив мимо Раевских, Раковых, Ребровых, Ремневых, Ржевских, Роговых, Рогозиных и Розовских, она добралась до Рубашкиных и Рублевых. Был еще один Рубин, но Рубины напрочь отсутствовали.

На этот раз Надежда расстроилась. Ее версия, на первый взгляд такая логичная, трещала по всем швам. Однако упорство было ее второй натурой, и она перешла к последней секции – туда, где находились карточки с фамилиями от «Ц» до «Я».

На букву «Ч» было не слишком много пациентов. Надежда миновала пенсионера Чаплина, мужа и жену Чашкиных, одинокую старушку Черенкову. Дальше последовал большой выводок птичьих фамилий – целая семья Чибисовых, несколько Чижиковых, Ольга и Олег Чижовы... и наконец перед ней оказались целых три карточки с фамилией Чонишвили – Георгий Вахтангович, Анна Васильевна и, судя по всему, их дочь Мария Георгиевна.

– Маша Чонишвили! – вполголоса повторила Надежда. Это было именно то имя, которое назвала по телефону покойная старушка Варвара Степановна.

Надежда незаметно списала с карточки координаты Маши Чонишвили и спрятала листочек в карман. Поставив карточку на место, она выглянула из-за стеллажа:

– Негу нигде моей карточки!

– Значит, в кабинете у врача осталась... – предположила старушка. – Знать бы только, у какого...

– Что же делать? – Надежда взглянула на часы. – До конца приема всего пятнадцать минут осталось...

– А я вам так скажу, – старушка доверительно понизила голос. – Не ходите вы к дежурному. Что он вам в спешке-то скажет? И не прослушает как следует... Лучше вы, душечка, завтра к нормальному врачу приходите, и не к концу приема, а к началу, пока врач еще не утомился, пока еще и видит, и слышит нормально...

– Наверное, вы правы... – согласилась Надежда Николаевна и тут же зашлась хриплым кашлем.

– Вам, душечка, хотя бы чаю горячего выпить нужно! – переполошилась регистраторша. – Я как раз чайник поставила... больных все равно нет. Выпейте со мной чашку!

Надежда горячо поблагодарила старушку и вынула из сумочки специально припасенный для такого случая пакет шоколадных конфет. Старушка достала из ящика стола две чашки, чайные пакетики и разлила чай.

– Из пакетиков, конечно, чай не настоящий, – проговорила она, пододвигая чашку Надежде. – Но тут особенно не разгуляешься, все-таки на работе – не дома...

– Да что вы, хороший чай! – успокоила ее Надежда. – Извините, а как вас зовут?

– Альбина Францевна, – представилась регистраторша.

– Ну, как меня зовут, вы знаете, – проговорила Надежда, выкладывая конфеты в вазочку. – А раньше, я помню, здесь работала Варвара Степановна...

– Ох! – Старушка скорбно опустила глаза и вздохнула. – Вареньки не стало!

– Да что вы! – Надежда округлила глаза, сделав вид, что поражена новостью. – Умерла?

– Хуже!

– Что может быть хуже?

Альбина Францевна боязливо огляделась по сторонам и прошептала:

– Ее убили!

– Боже мой! – Надежда Николаевна всплеснула руками. – Как же это случилось?

– Подробности не знаю. – Старушка отпила чаю и печально добавила: – В наше время, душечка, человеческая жизнь ничего не стоит! Может быть, какой-нибудь наркоман...

– Такая приятная была женщина! – продолжила Надежда. – Ведь она, кажется, не всегда работала в поликлинике?

– Конечно! – подхватила Альбина Францевна. – Варенька раньше на радио работала, редактором... но потом, с возрастом, стала плохо слышать и ушла.

– Да, слышала она плохо! – со знанием дела согласилась Надежда Николаевна.

– Здесь это ей тоже мешало, – вздохнула старушка. – Иногда из-за этого Варенька путала карточки. Но мы всегда старались ей помочь. У нас здесь, вы знаете, душечка, вообще подобрался замечательный коллектив! Все женщины интеллигентных профессий. Варенька работала на радио, я – в театре...

– В театре? – заинтересованно переспросила Надежда.

– Ну да, – Альбина Францевна приосанилась. – Я была актрисой... трагедии... играла мальчиков, девочек...

– То-то у вас такой замечательный голос! – подольстилась к ней Надежда. – Звонкий, молодой...

– Да, душечка... – старушка вздохнула, взгляд ее затуманился. – Кого я только не играла – Буратино, Малыша из «Карлсона», Кая в «Снежной королеве», Мальчика-с-Пальчика... Раньше, в советские времена, я переиграла всех пионеров, какие только есть в репертуаре... помните, был такой спектакль «Друг мой Колька»?

Надежда смутно припомнила далекое детство, школьный культпоход в театр, взрослых людей в красных галстуках, разговаривающих неестественно звонкими голосами и усиленно изображающих детей.

– Еще была пьеса «А с Алешкой мы друзья»... – вспомнила она. – Очень хорошая пионерская комедия.

– В этой я не играла, – старая актриса поджала губы. – Всюду, душечка, интриги... эту роль у меня буквально из-под носа увела эта бездарность, Марианна Самокатова. Зато я играла Витю Малеева... и еще Колю Колокольчикова в «Тимуре и его команде»... и вообще, Федор Кузьмич очень меня ценил!

– Федор Кузьмич? – переспросила Надежда.

– Ну да, Федор Кузьмич Короедский, наш главный режиссер. Большой талант!

Надежда Николаевна решила, что начался вечер воспоминаний, и думала, как бы повернуть разговор в другую сторону, но старушка и сама спохватилась:

– Что это я все о себе? Остальные женщины у нас были тоже очень интересные! Нинель Андреевна – бывший ведущий инженер, крупный конструктор сельскохозяйственной техники. Комбайны, косилки, сноповязалки... впрочем, я в этом не разбираюсь. Но она была очень, очень уважаемым специалистом в своей области. Один раз ее даже лично министр отметил, Михаил Иванович Топтыгин. И премию она получила большую за какую-то особенную сноповязалку.

Альбина Францевна подлила себе еще чаю, положила за щеку конфету и продолжила:

– Опять же Офелия Филаретовна – тоже интересная личность. Перешла к нам не откуда-нибудь, а из самого Эрмитажа!

– Да что вы! – отозвалась Надежда, почувствовав, что собеседница ждет от нее подобной реакции. – Неужели из Эрмитажа!

– Да, – Альбина Францевна отпила еще чаю. – Правда, ушла она оттуда не по собственной воле. Можно сказать, со скандалом. Представляете, заснула на рабочем месте, и ее застукал сам директор! Обходил залы музея и увидел, как она спит на посту. Так что пришлось увольняться. Но она говорит, что даже довольна. Там, говорит, очень скучно было – сидишь целый день и смотришь на одну и ту же картину. Всю ее, говорит, уже запомнила – натюрморт французского художника Пьера Монталье. Народ в этот зал почти не заходил, так что она весь день проводила один на один с этим натюрмортом. Главное, очень аппетитно все на нем изображено, очень жизненно, так что до обеда смотреть просто невозможно, так и тянет в столовую. А потом, когда поешь, – в сон клонит. Через этого самого Монталье она и пострадала, не выдержала воздействия классического искусства. А у нас в регистратуре как-то поживее, целый день люди, разговоры, опять же, коллектив хороший, все такие интеллигентные, образованные женщины подобались, есть с кем поговорить о живописи, о театре, о литературе...

– О сноповязалках, – машинально вставила Надежда.

Альбина Францевна не расслышала ее реплику и продолжила:

– Правда, начальница наша, Прасковья Савельевна, из другого теста, без образования. Она по профессии – руководящий работник...

– Что, есть такая профессия? – удивилась Надежда Николаевна.

– А как же! Ее, Прасковью Савельевну, всю жизнь перебрасывали то на легкую промышленность, то на сельское хозяйство, то на культуру и образование. Она говорила, что ей все равно, кем руководить, лишь бы руководить. Специфика отрасли не имеет значения. Только на черной металлургии никогда не работала и еще на тяжелом машиностроении: там, говорит, женщин не очень уважают.

– И что – правда, без всякого образования?

– Ну, не то чтобы без всякого... шесть классов она все-таки окончила. Зато очень большие организаторские способности.

– А что ж тогда она к вам попала, в регистратуру?

– Ну, все-таки возраст... выбрала работу полегче, менее ответственную, но все же руководящую.

– Да-а... – протянула Надежда, – как жалко Варвару Степановну... Что же, и родных у нее не было, одна жила?

– Что-то она говорила... кажется, был внук... хотя нет, у нее детей-то не было никогда, стало быть, это, наверное, внучатый племянник, дальний родственник совсем. Но помогал ей иногда, продукты привозил... Как же его звали-то? – Альбина Францевна виновато улыбнулась. – Нет, не вспомнить...

Надежда поняла, что пора ей уходить. Если бы работала здесь, в регистратуре, некая Таисья, дружившая с покойной, престарелая актриса обязательно упомянула бы об этом.

«Мы пойдем другим путем, – вспомнила Надежда крылатую ленинскую фразу, – завтра же с утра отправлюсь к Маше Чонишвили».

Между делом она успела сварить грибной суп, Сан Саныч был сытый и добрый и смотрел на свою жену умиленным взглядом. Кот хоть и очень обижался на Надежду за крекеры, но не посмел вякнуть, что она три раза в день поила дорожным швейцарским лекарством комнатный фикус.

Утром, после ухода мужа, Надежда с замиранием сердца набрала номер, который списала вчера с карточки Маши. Ответил женский голос уверенным контральто:

– Алло-у? Квартира Чонишвили!

– Здравствуйте, могу я попросить Машу? – проговорила Надежда, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

На месте незнакомой женщины, услышав хриплый бас, который иногда все еще прорывался, Надежда незамедлительно бросила бы трубку. На этот раз голос не подвел – был чуть ниже, чем обычно, но все же вполне приемлемый.

– А кто ее спрашивает? – поинтересовалась женщина.

– А вы не Анна Васильевна? – спросила в ответ Надежда, вспомнив карточку, лежащую рядом с Машиной.

Она понятия не имела, как нужно представиться, чтобы услышать Машу.

– Да, я Анна Васильевна! – энергично подтвердила женщина. – А, понимаю, вы, наверное, от Аглаи Александровны?

– Ну-у, – протянула Надежда.

– Ах, ну конечно, эта Аглая все перепутала! – затараторила Анна Васильевна. – Она дала вам наш телефон, а Машенька живет сейчас у мужа, на Вознесенском. Записывайте телефон и адрес, а лучше сразу езжайте, я ей сама позвоню!

Надежда Николаевна записала адрес и поскорее отключилась, чтобы не начались расспросы. Анна Васильевна сказала, что Маша непременно будет дома.

Дом на Вознесенском проспекте был заново отремонтирован и сиял чисто вымытыми окнами, несмотря на то, что на дворе был слякотный март. Надежда Николаевна нашла нужный подъезд и нажала кнопки домофона.

– Вы от Аглаи Александровны? – послышался удивительно приятный голос. – Заходите!

Надежда пожала плечами и вошла. Лифт был крошечный, как в большинстве старых домов, однако лестница аккуратно покрашена и убрана. Возле Машиной квартиры на четвертом этаже лежал коврик в виде симпатичного медведя-панды. Над медведем висела надпись: «Добро пожаловать!»

Дверь открыла удивительно приятная девушка в розовом атласном халатике. Густые волосы вились пышными кудрями, огромные черные глаза сияли. Больше ничего не давало знать о папе-грузине. Маша была белокожа, щеки ее напоминали по цвету румяный персик, яркий рот улыбался, от нее исходил такой свет счастья, что Надежда невольно залюбовалась.

– Здравствуйте! – пропела Маша. – А вы от Аглаи Александровны? Проходите, пожалуйста!

В просторной прихожей Надежда взглядела в хозяйку и все поняла: свободный халатик прикрывал внушительных размеров живот.

– Да-да, – Маша счастливо засмеялась, – уже скоро, три недели осталось...

– Не спрашиваю о здоровье, вижу, что все хорошо, – улыбнулась Надежда Николаевна, сообразив, отчего от молодой женщины льется такой свет.

– Даже удивительно! – щебетала Маша, провожая Надежду на кухню. – Я так беременно-сти боялась, думала – тошнить будет, страшная стану... Первый месяц все плакала, а Сережа меня утешал, что все равно любить будет. А потом все прошло, даже почти не тошнило. И живот не мешает, и волосы стали лучше, и кожа... даже нравится беременной быть! Вас как зовут?

– Надежда...

– Можно, я вас буду Надей называть? Давайте чай пить! Я все время ем и ем! Врачи велют овощи и творог, а я хочу огурцов и колбасы! Самой простой, вареной!

– Немножко можно... – улыбнулась Надежда, – значит, ребеночек просит. Кого ждете?

– Девочку! – На этот раз из черных глаз вылилось столько счастья, что Надежда едва не утонула.

– Ну, все правильно, – сказала она, – девчонки колбасы хотят, огурцов – солененького в общем. А мальчиков на сладкое тянет!

– Правда? – взвизгнула Маша и отвернулась к плите.

«Ну как тут с ней о деле говорить? – думала Надежда. – Про убийство не скажешь – волновать никак нельзя. Что опасность ей грозит – тем более не скажешь, еще родит со страху. Она такая счастливая, язык не повернется...»

Маша вдруг охнула и едва не выронила чайник.

– Поясницу что-то кольнуло, – извиняющимся тоном сказала она.

– Это бывает, – успокоила Надежда.

Маша налила чай и снова оживилась.

– Не скучно вам одной дома? – осторожно спросила Надежда Николаевна.

– Ну что вы! – Маша засмеялась. – Столько дел! На занятия хожу для беременных, музыку слушаю! А телевизор вообще не смотрю, оттуда только отрицательные эмоции можно получить! Разве что про путешествия, виды разные... Надо на красивое смотреть, тогда и ребенок красивый будет!

– Если на маму похож, то точно будет! – рассмеялась Надежда.

– Сережа тоже очень красивый, – серьезно сказала Маша. – Ой! – Она сморщилась и облилась бы горячим чаем, если бы Надежда не успела выхватить чашку.

– Что это со мной сегодня? – удивленно спросила Маша. – Колет и колет... вот, прошло... Что-то мне есть расхотелось, пойдемте, детскую покажу!

Выйдя из кухни вслед за хозяйкой, Надежда незаметно поглядела на часы. Она от души похвалила небольшую светлую комнатку, заново отремонтированную, с нарядными розовыми занавесками (девочку ждут!) и белоснежной мебелью. Над кроватью висел розовый полог.

– Вот, последний месяц этим занималась! – Маша снова оживилась. – Мне все тут нравится, знаете, приду сюда и сижу. Альбом с репродукциями рассматриваю или пою.

– У вас голос приятный, звонкий, наверное, хорошо поете, – поддакнула Надежда.

– Да, в детстве пела в ансамбле. У нас такой ансамбль был, одни девочки, назывался «Звездочка». Когда маленькая была, папа меня петь учил, у него баритон прямо концертный. Хотела в музыкальное училище поступать, потом передумала, все-таки не высшее образование.

– Не жалеете? – спросила Надежда Николаевна для поддержания беседы.

– Что вы, я тогда бы Сережу не встретила! Ой! Ах! – Маша вздрогнула и прижала руки к животу.

– Вот что, милая, – решительно сказала Надежда, поглядев на часы, – похоже, у тебя схватки начались.

– Да не может быть! – Маша тыльной стороной ладони вытерла испарину на лбу. – Врач сказал – еще три недели.

– Врач тоже может ошибиться, – наставительно проговорила Надежда, – а вот самый проверенный способ. Нужно по часам смотреть и считать: если боль не постоянная, а через равные промежутки времени – значит, родовые схватки.

– Ой, мама! – Глаза у Маши стали огромными от страха.

– Да не бойся ты! – Надежда погладила ее по голове. – Все хорошо будет... Родишь ребеночка, через неделю домой вернешься, будет расти на радость всем...

Она нарочно болтала ерунду, чтобы отвлечь Машу, пока та снова не заохала.

– Все! – твердо сказала Надежда, сверившись с часами. – Нужно в роддом собираться. Матери твоей позвонить?

– Мама не доберется, ей далеко, Сережа велел сразу ему звонить, он сам отвезет... – слабым голосом сказала Маша и трясущимися руками начала тыкать в кнопки мобильного телефона. – Отключен! Совещание, наверное...

– Давай по служебному позвоню! А ты пока собирайся! Да не волнуйся так, время еще есть, может, еще целые сутки пройдут, пока родишь!

– Забыла... – Маша едва шевелила помертвевшими губами, – номер забыла... Там, в прихожей, у телефона визитка...

– Ну хоть фамилию-то своего мужа ты помнишь? – крикнула Надежда, роясь в ящике телефонной тумбочки, полном визиток.

– Коротков Сергей Павлович, фирма «Монолит», – пробормотала Маша и закричала: – Ой, болит!

«Что-то больно у нее быстро, – опасливо подумала Надежда, – как бы не родила здесь, что я буду делать?»

Руки перебирали визитки, под ними оказалась старая потрепанная записная книжка. Надежда машинально пролистала страницы, фирмы «Монолит» на букву «м» не нашла, зато нашла кое-что другое. Она не поверила своим глазам, когда прочитала строчку, написанную аккуратным детским почерком:

«Маленко Элеонора, Заневский проспект, дом 22, квартира 2».

Телефона не было. Надежду привел в себя стон Маши. Она вывалила содержимое ящика на пол и отыскивала визитку ее мужа.

На просьбу Надежды позвать к телефону господина Короткова секретарша холодно ответила, что у того важное совещание и трубку взять он не может.

– Передайте Сергею Павловичу, – отчеканила Надежда, – это очень срочно, у его жены начались схватки...

Она еще не договорила, а секретарша уже бросила трубку на стол. Было слышно, как она неслась по коридору с воплями: «Сергей Палыч! Ваша жена рожает!»

– Ну все, – сказала она, вернувшись в комнату, – сейчас прилетит. У тебя вещички собраны? Белье, щетки-расчески... Кольца-сережки дома оставь, в роддоме все равно снять заставят.

– Да-да... все там.

Надежда Николаевна едва успела помочь Маше одеться и снять тесноватое кольцо, как раздались дикие звонки в дверь. Она открыла, не спрашивая.

– Вы кто? – спросил мужчина лет тридцати пяти в расхристанной одежде. – Где моя жена?

– Я от Аглаи Александровны, – ответила Надежда, – а жена вас ждет, чтобы в роддом ехать.

Мужчина на ходу скинул куртку и помчался в комнату. Надежда подумала, что он выглядел бы интересным, если бы не выпученные, как у рака, глаза и не всклокоченные волосы.

Когда Надежда Николаевна заглянула в комнату, она увидела, что муж стоит на коленях перед диваном, обнимает Машу и шепчет ей на ухо нежные слова.

– Хм, – покашляла Надежда, – вообще-то лучше поскорее ехать, а то как бы...

Муж схватился за голову и забегал по комнате. Надежда поняла, что от него помощи не дожидаться.

– Пальто какое наденешь? – спросила она Машу. – Бери что попроще...

Муж ворвался в прихожую, оттолкнул Надежду и принялся застегивать Маше сапоги. Маша через его голову переглянулась с Надеждой и еле заметно кивнула головой. Этим она хотела сказать, что все поняла, что нужно собраться и самой обо всем позаботиться, поскольку от мужей в данной ситуации толку всегда мало.

Муж обнял Машу и осторожно, мелкими шажками, как будто жена его была не из плоти и крови, а из хрупкого стекла, повел к лифту, Надежда Николаевна тащилась сзади с плотно набитой сумкой. В последний момент она сообразила прихватить со столика ключи и хлопнуть дверь.

В лифт влезли только супруги, Надежда спустилась пешком. Муж усаживал Машу в черный «Мерседес». Водитель, средних лет солидный мужчина, заботливо придерживал дверцу.

– Карту! – вскричала Маша. – Карту медицинскую забыли!

Муж выхватил у Надежды ключи и исчез в подъезде.

– Это директора машина, – объяснил водитель в ответ на приветствие Надежды, – он так и сказал: езжай, Михаил, и проследи там, как и что. Потому что Сергею Палычу за руль садиться сейчас никак нельзя, он маленько не в себе сделался от беспокойства.

– Куда повезете-то? – спросила Надежда.

– Тут недалеко роддом. Все уже договорено и оплачено фирмой, – солидно ответил водитель. – А вы, извиняюсь, не теща Сергею Палычу будете?

– Нет, я от Аглаи Александровны, – привычно ответила Надежда.

Водитель вполне удовлетворился таким ответом. Явился встрепанный муж. Куртка висела на одной петле, галстук вовсе вылез из пиджака и болтался сзади. Сергей раздраженно рванул галстук и бросил его себе под ноги.

– Вы поедете? – спросил он Надежду.

– Нет, вы уж сами. Ну, счастливо вам! Все будет хорошо!

Она помахала рукой вслед машине.

«С мужем сейчас говорить о чем-то постороннем бесполезно, – думала она, – он вообще ничего не соображает. Будем надеяться, что Маше опасность не угрожает. Роддом платный, стало быть, охрана имеется, постороннего не пропустят. Да и вообще никого не пустят, кроме мужа и мамы. Маша одна не останется. А мне надо переключаться на поиски Эли Маленко. Но это завтра, а сейчас домой, а то разбегалась я что-то, как бы снова не расхвораться...»

Надежда Николаевна подошла к своей двери, достала из сумочки ключи, открыла оба замка. Но не успела она открыть дверь, как сзади на нее навалилось что-то огромное и страшное.

– Караул! – вместо крика из ее горла вырвался жалкий придушенный писк.

– Тихо, тетка! – злобно выдохнули ей прямо в ухо, и мощная рука втолкнула ее в квартиру.

– Спасите! – сделала она еще одну попытку позвать на помощь, но и на этот раз не получилось ничего громче мышинного писка. Из-под ног у нее вылетел огромный пушистый шар и юркнул под шкаф – это трус Бейсик вместо того, чтобы спасти хозяйку, срочно нашел себе безопасное убежище. Удивительно, как при таких внушительных размерах он умудрился втиснуться в узкое пространство между шкафом и полом.

– Сказано тебе – тихо! – прорычали в затылок Надежде. – Мне, тетка, неприятности ни к чему!

Надежду подтолкнули вперед. Она обернулась и без сил опустилась на галошницу. Только теперь ей удалось разглядеть злоумышленника.

Это был здоровенный парень с наголо выбритой головой, непосредственно переходящей в широченные покатые плечи. Огромные, как у гориллы, руки едва не доставали до пола. Ноги у него были кривые, короткие и такие мускулистые, что бугры мышц рельефно проступали через джинсы. Зато глазки были маленькие, близко посаженные и удивительно злые.

«Все, – подумала Надежда. – Этот убьет, не задумываясь. Ему это – раз плюнуть. Но вот только зачем? Денег у меня кот наплакал, – она неодобрительно покосилась на затаившегося под шкафом предателя Бейсика. – Никаких бумаг государственной важности у меня дома тоже нет, из фамильных драгоценностей имеется только бабушкино серебряное ситечко, да и то поломанное, как женщина я его тоже вряд ли интересую...»

Следующей мыслью Надежды было то, что минут через сорок должен вернуться с работы муж, так что, если она сумеет протянуть время, есть шанс дожидаться помощи. Конечно, Сан

Саньч слабовато выглядел по сравнению с этим качком, но Надежда верила в мужа беспрекословно и не сомневалась, что ради ее спасения он совершит невозможное. Так что стоило потянуть время и отвлечь злодея разговорами.

– Только не делайте ничего такого, о чем потом придется пожалеть! – произнесла она фразу из какого-то телесериала, глядя в маленькие глазки грабителя. На этот раз голос ее послушался, и фраза прозвучала вполне разборчиво. – Скажите, что вам от меня нужно, и попробуем договориться, как разумные люди!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.